КОНАН
И УЖАС
КЛАРИИ

Annotation

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

«Северо-Запад Пресс», «АСТ», 2007, том 128 «Конан и ужас Кхарии»
Лилиан Трэвис. Мантия мага (повесть), стр. 283-395

- Лилиан Трэвис
  -

Лилиан Трэвис
Мантия мага

Ранняя и на удивление теплая весна превратила дороги Пограничья в непролазные топи из снега и жидкой грязи. Но путешественников, которые направлялись к рубежам Гипербореи, такое положение дел ни капельки не смущало. Впрочем, весенний воздух, по-зимнему холодный в тени и почти жаркий на солнце, способен был заставить петь от радости сердце любого, наделенного способностью чувствовать.

Особенно радостным было лицо у того, кто без сомнения был здесь главным — мужчины огромного роста с гривой темных волос и глазами удивительного синего цвета, напоминающими старинные офирские сапфиры и то лишь те, которые были добыты задолго до рождения прадедов нынешних королей.

Король Аквилонии Конан радовался счастливому случаю, благодаря которому он, будучи занят исключительно важным государственным делом, ныне пребывает вне стен своего дворца. Причина, побудившая его отправиться в путь, требовала личного королевского участия. Для Аквилонии а также дружественного Пограничья было важно заручиться поддержкой Гипербореи — государства, где обитают прославленные мастера магического искусства. Кроме того, Конан решил лично вручить королевскую награду магистру Гристиану, оказавшему поистине неоценимые услуги в поисках купеческого каравана, пропавшего из-за козней злонамеренного стигийского чародея Яхмоса.

Перевалив Немедийские горы, на что в это время года мог решиться только либо безумец, либо отчаянный храбрец, отряд ступил на землю Пограничного королевства. Впрочем, те, кто сопровождал короля Конана в этом путешествии, как раз и отличались подобными качествами. Даже дворцовый библиотекарь Хальк Юсдаль, который добровольно принял на себя нелегкую обязанность королевского летописца и исполнял ее с усердием, достойным всяческого уважения.

Этот тщедушный на первый взгляд дворянин из Гандерланда был способен при необходимости показать себя мастером фехтования и знатоком магических существ. Поэтому ни одно путешествие хотя бы слегка отличающееся от увеселительной прогулки, не обходилось без его участия. Прочие же спутники Конана знавали государя, когда его чело еще не украшала корона Аквилонии. С кем-то мужественного киммерийца свела судьба в бытность простым наемником, с другими он, при желании, мог бы вспомнить славные походы Алого Братства, не дававшего покоя купцам, решившимся отправиться в путь по морю Восхода.

Так, двое конников, что скакали слева от короля, лишь недавно поступили на службу в личную королевскую гвардию. Всего пару лун назад они были украшением разбойничьей шайки Архоза. Двое других, похожих друг на друга как братья-близнецы, были уроженцами Пограничья и внимательный взгляд мог бы опознать в них оборотней. Еще один спутник — стройный мужчина с длинными седыми волосами, отливавшими на солнце всеми оттенками старого серебра, принадлежал к древней расе гулей, обитающих в Рабирийских горах.

В цивилизованных государствах и тем более при королевских дворах этих существ принимали с большой опаской. Конан же, которому довелось немало побродить по свету и

на чью долю судьба отпустила множество нелегких испытаний, привык судить о тех, кто оказывался рядом с ним, основываясь не на сплетнях и слухах, а на их истинных достоинствах.

Какая разница, что скрывается под доспехом — тело, покрытое чешуей или звериной шерстью? Важно лишь то — горячее ли сердце у его обладателя и ведомы ли ему такие понятия, как честь и отвага. Сколько раз на пути Конана люди из плоти и крови оказывались настоящими чудовищами, а самые удивительные создания, которых когда-либо сотворяла рука богов, являли собой образцы добродетели. Что с того, что рабирийские гули имеют острые клыки рі не прочь отведать теплой крови? Зато месьор Зериан нечеловечески трудолюбив и никогда не бросит начатое дело. Кроме того, ему нет равных в битве, когда вокруг свистят стрелы и звенят мечи. Зная, что король судит своих воинов не по знатности рода или месту рождения, а лишь по их деяниям, — гвардейцы Конана отвечали ему искренней любовью и бесконечной преданностью, идущей из глубины души.

* * *

Путешествие по землям Пограничья несколько затянулось. На переход от одного маленького городка до другого, который при благоприятной погоде занял бы не более нескольких колоколов, уходил теперь почти весь день.

На исходе одного из таких длинных нелегких дней усталые путешественники вошли в ворота одного из тех городков, которые еще недавно носили скромное название селения оборотней. Теперь после многих перипетий, в недалеком прошлом потрясших основы мироздания и едва не сокрушивших равновесие между порядком и хаосом, там мирно уживались люди и оборотни, стараясь преуспеть в торговле и прочих мирных занятиях, извлекая из этого несомненную пользу для проезжающих и для самих себя.

Найти таверну, где можно было бы перекусить и дать отдых себе и еще более усталым копям, оказалось совсем не трудно. Стоящее на пригорке двухэтажное здание, построенное из свежих бревен, еще храпящих запах леса, было видно издалека. Чтобы господа проезжающие не тратили время на ненужные поиски и сомнения, крышу дома украшал ажурный металлический флюгер, изображавший двух волков, вставших на задние лапы, которые повернулись друг к другу спинами.

Но, приблизившись к дому, который издалека казался таким гостеприимным, путешественники остановились, пораженные открывшимся им зрелищем.

Неподалеку от коновязи прямо на стене кто-то с непонятной целью вывесил нечто похожее на кусок темной ткани. Конники переглянулись. В головах Конана и его спутников мелькнула мысль о том, что часто такими вот темными полотнищами отмечают дома, которые посетила заразная болезнь. Однако сомнение мелькнуло и исчезло В самом деле, если в доме находился опасный больной, то темный флаг развевался бы на крыше и ворота были наглухо закрыты. Значит, причина, побудившая кого-то к такому необычному поступку, была иного рода.

При ближайшем рассмотрении зрелище оказалось еще более поражающим воображение. Темная материя оказалась частью одеяния мага, а именно — мантией. С

небольшого расстояния хорошо просматривались выцветшие пентаграммы, украшавшие ее поверхность. Изрядно поношенная мантия была прикована к бревенчатой стене цепью, способной удержать черного немедийского быка. Железные звенья толщиной почти в два пальца взрослого мужчины, выходили из очередного рукава и скрывались в другом. Один цепи был намертво закреплен в бревенчатой стене, другой заперт на внушительного вида замок. Как будто возле стены стоял невидимый пленник, внушающий страх даже в своем нынешнем незавидном положении. Спешившись и обступив непонятную находку кругом, спутники Конана принялись строить догадки:

— Должно быть, мы видим перед собой развязку какой-то из придворных интриг, — многозначительно произнес Хальк и потянулся за дорожной сумкой, чтобы зарисовать эту диковину.

— Что ты, какие придворные интриги могут быть здесь, в Пограничье?! — со смехом перебил его гвардеец Авген, который пару лун тому назад совершил вместе со своим королем удивительное путешествие в окрестности города Небтху. — Просто странствующий маг выставил свою одежку проветриться, а цепью приковал, чтобы она не прилипла кому-нибудь к рукам. Хотя лично мне такая была бы и даром не нужна, даже будь она поновее.

— Сразу видно, что здесь отродясь не было по-настоящему искусных воров, — ответил ему Стефанос, еще недавно входивший в ватагу Архоза. — Такой замок, несмотря на то, что он величиной с кулак, не защитит от кого-то чуть более умелого, чем мальчишка-новичок. Даже я открыл бы его меньше, чем за четверть колокола.

Авген оживился, глаза его заблестели.

— Четверть колокола? Ох и горазд же ты врать приятель. Взгляни повнимательнее на этот замок. Это заморийская работа, Нергал его побери, а уж там-то знают толк в запорах. Может ты и откроешь его, но уж всяко времени тебе понадобится куда больше, чем четверть колокола. Думаю, что мы успеем хорошенько отдохнуть в этой таверне и опорожнить немало кувшинов вина, прежде чем эта диковина поддастся твоим неуклюжим пальцам!

Стефанос побагровел.

— Готов поспорить с тобой, гвардеец, что не пройдет и четверти колокола, как этот замок будет открыт, и ты сможешь примерить мантию мага!

— Отлично! Спорим на серебряную монету! Лишь бы хозяин этой тряпицы не помешал нашей забаве. Говорят, с чародеями шутки плохи.

— Да мы же не собираемся ничего красть! Я просто открою этот замок, а потом все вернем как было. Вряд ли колдун может затаить на нас злобу за столь невинную шутку.

Конан, который с интересом прислушивался к спору махнул рукой, подзывая летописца.

— Эй, Хальк, сбегай и спроси у хозяина чем они тут меряют время. И тащи сюда то, что у них там есть. Не знаю, что это будет — огневой стержень или клепсидра…

Через несколько мгновений Хальк вернулся, держа в руке длинный цилиндр, слепленный из животного жира, смешанного с воском. На него были нанесены деления, с помощью которых и отмеряли время. Огневой стержень поджигался, жир таял, длина его уменьшалась. В Аквилонии иногда к боковым сторонам устройства прикрепляли медные штырьки, которые по мере выгорания и таяния воска, падали на металлическую чашу, в центр которой ставился огневой стержень. Это позволяло определять на слух — сколько времени прошло…

Киммериец повернулся к Стефаносу.

— Готов?

Тот кивнул головой.

— Начали!

Хальк поджег огневой стежень. Авген заухмылялся.

Участники спора приблизились к прикованной мантии. Стефанос, сохранивший приверженность к традициям старой школы, которые с великим тщанием вбил в него когда-то одноглазый Магнус, достал из-за голенища сапога несколько причудливо изогнутых железок. Загородив собой замок так, чтобы досужие зрители не могли перенять секретов его мастерства, Стефанос закопошился в замке.

Авген злорадно наблюдал, как длина огневого стержня уменьшается. Было тихо, лишь лошади изредка всхрапывали и били копытами.

Когда длина восковой свечи уже почти приблизилась к роковой метке, обозначающей четверть колокола, замок вдруг жалобно щелкнул и с грохотом упал на землю. Цепь зазвенела, выползла из рукавов и печально повисла на прибитом конце. Мантия сползла на землю и застыла там бесформенной грудой.

— Есть!

Стефанос торжествующе повернулся и фыркнул.

— Кузнецы Шадизара еще не придумали такого запора, с которым не смогли бы справиться пальцы настоящего мастера. Эй, Авген, готовь серебро, а то у меня пересохло в горле.

Гвардеец досадливо крякнул и потянулся за кошельком.

— Стефанос победил честно! — захохотал Конан. — Видно ремесло шадизарского вора никуда не уходит с прошедшими зимами. Эй, бродяга, приладь замок на место и пойдем, наконец, уже набьем наши желудки сытной деревенской едой!

Но, стоило бывшему разбойнику потянуться за цепью, как вдруг мантия зашевелилась, приподнялась с земли, размахнулась пустым рукавом и отвесила ему крепкую оплеуху. После этого она взвилась в воздух и принялась летать над головами ошарашенных путников, будто гонимая порывами ветра.

— Кром, — проворчал недовольный Конан, — опять колдовство. Когда же, наконец, можно будет спокойно поесть и выпить вина не опасаясь столкнуться с кознями очередного некроманта?

С этими словами варвар, который питал сильнейшее отвращение к магии, протянул руку, чтобы схватить взбесившееся одеяние, как вдруг прямо над головами близнецов-оборотней сгустилось темное облако, отдаленно напоминающее человеческую фигуру.

С оглушительных хохотом перекувырнувшись в воздухе, фигура ударилась о стену конюшни, которая тотчас же покрылась многочисленными крохотными отверстиями, что означало присутствие жуков-древоточцев. Через несколько мгновений прочная бревенчатая стена рухнула, обратившись в кучу древесной трухи и открыв взорам собравшихся беспокойно фыркающих в стойлах лошадей, аккуратно развешанную сбрую и конюха с молоденькой служанкой, беззаботно предающихся любовным утехам на сене. Плоские каменные плитки, которыми была выложена тропинка к двери таверны, сперва встали дыбом, а затем сложились в причудливые фигуры наподобие тех, которые строят любители игры верайо, чтобы затем разбить их метким броском дубинки из пуантенского дуба.

Подхватив отчаянно визжащую служанку, всю одежду которой составляла нижняя юбка, призрачный озорник поднял любительницу удовольствий в воздух и посадил на крышу дома. После этого, пожелав всем приятного дня, на самом изысканном бритунском языке,

туманная фигура скрылась, как будто ее никогда и не было.

Все стояли раскрыв от изумления рты и уставившись в небо. Но тут слуха путешественников достигли пронзительные вопли.

— Пустоголовые глупцы, не видящие дальше собственного носа! Тупые отродья водяной коровы! Гнусные прохвосты, с самого рождения не вылезавшие из выгребной ямы! Вы бы лучше нашли своим блудливым рукам более подходящее применение, чем совать их, куда не просят!

Кричавший оказался низеньким щуплым стариком, одетым в мантию похожего покроя, но из несравненно более дорогой и новой ткани.

— Что случилось, почтенный? — попытался урезонить его хранитель королевской библиотеки. — Неужели есть необходимость вопить так, словно за тобой гонятся все демоны Зандры?

— Ах ты книжный червь с откушенным хвостом, — не унимался маг, яростно тряся головой, отчего капюшон свалился с его головы, открыв па всеобщее обозрение розовую лысину, окруженную венчиком стриженных седых волос. — Думаешь, что прочитав несколько свитков чужих мыслей, ты уже получил право перебивать тех, кто старше и умней тебя?

Гуль, который почувствовал себя задетым, попутался прекратить поток оскорбительных речей с помощью магии, но добился лишь того, что вызвал у ругателя легкий приступ кашля и тем самым обратил на себя внимание разъяренного старика:

— Где ты раньше был со своей магией, когда твои друзья принялись тут пакостить! — завопил он, подпрыгивая и потрясая в воздухе сухоньким кулачком. — И ты тоже ни о чем не догадываешься, а еще кичишься своей принадлежностью к Исконному Народу! Слушайте же, безумцы, и ужасайтесь тому, что вы натворили. Мантия, которую вы ради пустой забавы лишили охранительной цепи, содержала в себе дух моего несчастного собрата.

— Собрата? — протянул кто-то вполголоса. — Похоже, мы встретили большого любителя пошутить!

— Прекратите свое гнусное зубоскальство, невежественные ублюдки! — взорвался старец. — Сущность достойнейшего Аллимара присутствует в нашем мире лишь частично, я бы сказал фрагментарно, если это слово что-то говорит вашей дремучей безграмотности…

— Эй, старик! — выступил вперед Конан, — прикуси свой ядовитый язык, пока я не приказал моим гвардейцам тебе его подрезать. Утихомирься и объясни толком, что стряслось? Мои люди затеяли спор и хотели проверить: кто из них прав. Они не совершили ничего дурного…

— А ты кто такой, громила, чтобы затыкать мне рот? — взвизгнул маг. — Если это твои люди, то отвечать за содеянное предстоит тоже тебе!

— Я король Конан, владыка Аквилонии, — зарычал киммериец, — и сам Огнеликий не осудит меня, если я за твою дерзость прикажу содрать с тебя шкуру и набить ее камнями. Прекрати орать и объясни толком — что здесь произошло!

— А я что, по-твоему делаю? — окрысился было маг, но все же сбавил тон и продолжил вполне обычным тоном:

— Мой злосчастный собрат едва не открыл один из величайших законов мироздания, но… Силы, призванные способствовать в его изысканиях, оказались того рода, справиться с которыми вряд ли под силу кому-либо из смертных, даже если это едва ли не самый могущественный маг Ордена Белой Руки.

— Тогда отчего он вел себя немного… странно? — поинтересовался хранитель королевской библиотеки.

Маг в ответ лишь печально вздохнул, поникнув головой подобно покрытому пылью увядающему цветку, растущему на обочине изъезженного торгового тракта.

— Увы, его блестящий ум бродит по дорогам Туманного Мира. Вы же созерцали лишь малую долю его разносторонней натуры. Рабочая мантия и заколдованная цепь — то единственное, что удерживало на месте дух моего несчастного друга. Теперь же, освободившись из-за вашей оплошности, он может никогда не вернуться в тело, которое уже третью луну ждет воссоединения с ним в одной из цитаделей Гипербореи. Увы мне, несчастному, я не смог спасти его! Какая потеря для всего хайборийского мира и какое горе для меня!

— Скажи, старик, — сконфуженно проговорил Стефанос, — неужели совсем ничего нельзя сделать?

— Сделать?! — подпрыгнул на месте чародей. — Пожалуй, именно ты, чьи руки касались заколдованной цепи, сможешь вернуть на место сущность моего лучшего друга чтобы я смог в целости доставить ее туда, где она займет единственно подобающее ей место. Не говори ничего, я слышу твои мысли. Совершенно справедливо, он улетел, но есть одно место, которое мой неудачливый собрат непременно захочет посетить прежде, чем без возврата пересечь мутную реку. Речь идет о Граскаальских воротах. Ты должен отправиться туда не мешкая. Каждая капля промедления наносит непоправимый ущерб его уникальной сущности и с каждым мгновением мне будет все труднее вернуть его во всем блеске разума!

— Один он не пойдет! — раздался громовой голос Конана. — Я король и отвечаю перед Небожителями за своих людей. Не знаю откуда ты взялся, старик и почему так печешься об этом своем… как ты сказал… Аллимаре? Но мне жаль, что наша невинная шутка оказалась губительной для этого бестелесного бедняги. Поэтому мы вместе исправим содеянное, старик! Клянусь Кромом!

— А как же наша миссия в Похиолу? — спросил Хальк, — ведь неизвестно сколько времени может потребоваться, чтобы отыскать этого беглого мага? Мы рискуем надолго задержаться в этих краях.

— Я привык отвечать за себя и деяния моих людей, — отрезал варвар, — а посему если этот несчастный нуждается в нашей помощи — он ее получит! К тому же спасти сущность гиперборейского мага — что может быть более полезным, раз уж требуется наладить отношения с державой, которой правит Орден Белой Руки?

Он повернулся к магу.

— Пойдем старик, поведаешь нам свою историю за кувшином хорошего вина и жареным мясом. Или твоим слабым челюстям больше по вкусу каша из размоченного зерна, приправленная уксусом?

Маг нахмурился.

— Хоть я и стар, но от хорошего куска мяса не откажусь. И мы еще посмотрим, кто быстрее справится со своей долей.

— Будь по-твоему! — варвар дружески хлопнул старика но спине, от чего тот едва удержался на ногах.

* * *

— …Именно так несчастье постигло достойнейшего Аллимара, — закончил свое повествование чародей Матриус, с проворством, неожиданным для его возраста и комплекции, поглощая уже которого по счету жареного цыпленка. — Даже я, кому повинуются все потусторонние сущности и природные элементали, был бессилен что-либо сделать для спасения своего лучшего и любимейшего друга.

— А в последний раз духи земли отказались явиться к тебе от великого страха, не так ли, Матриус? — раздался знакомый голос. Магистр Гристиан, как будто возникший из воздуха прямо за столом, как ни в чем не бывало плеснул себе вина в деревянную кружку, размеры которой вызвали невольное уважение даже у Конана.

Варвар усмехнулся, со времени их последней встречи колдун совсем не изменился: тот же худощавый бритоголовый мужчина с колючим взглядом, одетый в темный хитон, отороченный рысьим мехом. Гристиан прислонил свой посох из красного аргосского дуба, навершие которого было украшено шаром с изображением Руки Духи — Владычицы Похиолы к засаленной столешнице и вопросительно взглянул на Матриуса, ожидая ответа.

— Гристиан, я рад приветствовать тебя, — выдавил из себя Матриус после затянувшегося молчания.

— Я решил, что небольшая прогулка развеет мою скуку и, вижу, что оказался вовремя.

— Да, да! Твоя помощь будет поистине неоценимой!

Ничего не ответив, Гристиан внимательно взглянул в глаза растерявшегося собеседника и тот съежился, испытывая сильнейшее желание сползти под стол или хотя бы на время стать невидимым.

Жестом остановив тех, кто, торопясь и перебивая друг друга принялся рассказывать о прикованной мантии и маге, лишенном лучшей части своей сущности, чародей произнес, предварительно наполовину опустошив свою кружку:

— Похоже, дело и в самом деле серьезное и не терпит отлагательства. Вам повезло, что сейчас я совершенно свободен. Я знал несчастного Аллимара и оказать ему помощь — мой долг.

— Но… Зачем же так утруждать себя? Стоит ли беспокоиться ради столь пустякового дела? — залепетал Матриус, теребя рукав своей мантии.

— Значит спасение своего лучшего друга ты считаешь пустяком? Не понимаю, куда делись свойственные тебе доброта, благородство и душевная щедрость? — усмехнулся Гристиан. — Впрочем, об этом мы еще успеем поговорить, а теперь нам нужно собираться в путь…

* * *

Дорога к Граскаальским воротам оказалась не такой короткой и не настолько легкой, как втайне надеялись многие из путешественников. Даже присутствие магистра Гристиана

не намного улучшило положение вещей.

Как охотно объяснил он сомневающимся, горы Граскааль наполнены своей собственной древней магией и никто не знает, как она может отреагировать на любое, даже самое незначительное возмущение колдовского поля.

Так, рассказывают, что однажды деревенский колдун Короцих вызвался провести странников через перевал. Желая рассеять ночную тьму, он сотворил простенькое заклинание, чтобы создать светящийся шар, но древняя магия не потерпела даже такого пустякового вмешательства и внезапный камнепад, отправил на Серые Равнины и самого незадачливого мага и всех его спутников…

К немалому удивлению Конана и его спутников, Матриус наотрез отказался идти вместе со всеми. Он заверил, что полностью доверяет мудрости славнейшего Гристиана, а ему самому непременно надлежит остаться на равнине, дабы магическими манипуляциями попытаться как можно дольше сохранить телесную оболочку Аллимара.

Среди путников не нашлось того, кого бы опечалило отсутствие вздорного старика. Гуль еле слышно произнес старинную пословицу насчет повозки, которая начинает двигаться быстрее, после того как с нее будут сброшены мешки с ненужным хламом. Каврат выразил эту же мысль в более краткой и энергичной манере.

Гристиан, услышав это, лишь улыбнулся, отчего вокруг его глаз на мгновение появились морщинки, напоминающие солнечные лучи.

На исходе второй по счету седмицы, они перевалили через горный хребет из ослепительно-белого льда, внутри которого виднелись темные силуэты, имеющие устрашающее сходство с человеческими фигурами. После этого отряду пришлось преодолеть подземный ход, где в незапамятные времена духи почвы добывали капли застывшей крови земли, чтобы затем расплавить их на первородном огне, и выковать клинки, равных которым нет и поныне.

Когда вдали уже еле заметным пятнышком забрезжил дневной свет, отряд оказался на берегу подземного озера поразительной красоты. Вода в нем была подобна чистейшему горному хрусталю, вазу из которого в незапамятные времена подарил владыка Кхитая аквилонскому королю Алонзо — уроженцу Зингары. Несмотря на недовольство придворных и ворчание сенешаля, эта диковина была извлечена из сокровищницы и со всеми возможными предосторожностями помещена в покоях госпожи Эвисанды, прозванной «Ночной Владычицей». Прекрасные вещи делаются не для того, чтобы пылиться по темным чуланам, их назначение — радовать глаз.

…Стоило кому-то из спутников Конана с радостным возгласом протянуть руку к воде, как он тотчас же оказался отброшен в сторону неведомой силой. Магистр Гристиан провел рукой над поверхностью воды и из темных глубин выплыли странные существа, отдаленно напоминавшие морских рыб. Правда, в отличие от последних, эти создания были лишены глаз и вместо чешуи их тела покрывали острые костяные наросты. Одна из этих тварей выскочила из воды и едва не вцепилась острыми изогнутыми зубами прямо в лицо королевскому гвардейцу. Тот в ужасе отскочил, изрыгая все известные ему проклятия.

— Как она это сделала? — спросил он у мага, преспокойно наблюдавшего эту сцену. — У твари нет глаз, она же не может увидеть меня!

— Эти существа могут ощущать страсти, которым мы все подвержены, — пояснил тот — Ихолотиллии были созданы такими, чтобы одним своим видом внушать ужас. Именно человеческий страх они чувствуют так же, как мы, например, ощущаем запах.

— Ну и мерзость! — пробормотал Стефанос, осторожно приближаясь к озеру.

При этих словах у самой поверхности воды показалась уродливая белесая морда. Казалось, неведомое существо напряженно вглядывается и вслушивается в происходящее перед ним.

— Вот именно, — продолжал маг спокойным и размеренным тоном, как если бы перед ним были ученики, с жадностью ловящие каждое его слово. — Страх и отвращение, вот чувства, которые охранники подземных глубин улавливают лучше всего. Поэтому, если мы хотим покинуть подземелье целыми и невредимыми, мы должны отрешиться от всяких эмоций. Помните: спокойствие и уверенность в себе — вот ключи к успеху!

Конан и его спутники молча внимали, в душе сознавая, что от них только что потребовали нечто очень трудное, если не сказать непосильное. Даже самый отважный человек не может хотя бы на краткое время полностью отрешиться от чувств. Трусов среди аквилонцев никогда не было; но ярость, азарт погони, гнев — их-то куда денешь? Все это можно скрыть от окружающих, но как их подавить внутри себя самого?

Вряд ли кому-то из обычных людей дано стать таким же бесстрастным как последователи учения о Великом Равновесии, обитающие в пещерах на полуденной стороне Кензанкийских гор.

Конан уже собрался предложить магу поискать иной путь, но гиперборейский колдун остановил короля:

— Подожди, в моей власти сделать так, что эти создания не заметят людей. Чувства, которые побуждают их злобу, на некоторое время просто уснут в наших сердцах.

— А мы не останемся такими навсегда? — с беспокойством перебил его Каврат, ростом и статью лишь немного уступающий самому Конану. — А то окажешься в постели с хорошенькой женщиной, а каких-то чувств как не бывало…

Все дружно расхохотались, несмотря на то, что обстановка вовсе не располагала к веселью.

Еле заметно улыбнувшись, магистр Гристиан раскинул руки, как если бы он собирался обнять всех присутствующих разом, с каждого пальца его слетело нечто вроде тонкой струйки дыма, тут же растаявшей в воздухе.

Через несколько ударов сердца на путников снизошло поистине неземное спокойствие. Все на свете разом перестало их волновать, все чувства, вдруг потеряли свое значение. Казалось, появись здесь по воле случая самые дорогие им люди — спутники Конана равнодушно прошли бы мимо.

Между тем магистр Гристиан протянул руку и медленно разжал пальцы. На его ладони тускло засветился шарик как будто сделанный из темного воска. Маг размахнулся и бросил шарик в самую середину подземного озера. С громким бульканьем тот погрузился в воду. Тут же на гладкой поверхности образовалось бесформенное мутное пятно, похожее на стальной доспех, покрытый изморозью. Пятно увеличивалось в размерах, постепенно закрыв все озеро. Сделав знак следовать за ним, маг преспокойно шагнул вперед и пошел так же беззаботно, как если бы под ним были не бездонные глубины, кишащие хищными созданиями, а мощеная городская улица.

Конан со своими спутниками двинулись за ним, не ощущая ничего кроме желания ступать точно след в след и не сводить глаз с пятна света, слабо мерцающего вдалеке.

Едва нога последнего из спутников Конана ступила на твердую землю, как мутная пленка начала таять подобно куску масла в горячей похлебке и множество отвратительных

созданий взлетело над поверхностью воды, пытаясь настигнуть людей, посмевших пересечь их владения. Некоторые из кошмарных созданий и впрямь напоминали уродливых рыб, плоть других была почти прозрачна, позволяя видеть их острые кости.

* * *

Дорога от озера, населенного созданиями магии была вымощена отполированными плитами из темного камня, цветом напоминавшими сладкий напиток, который привозили купцы из Гир-кании. Казалось, ничего не предвещало опасности, но, тем не менее, путники продвигались вперед с величайшей осторожностью, ступая на следующую плиту лишь после того, как магистр Гристиан убеждался в отсутствии там магических ловушек.

Примерно на середине пути, когда маг собрался подать знак следовать за ним и вознамерился поставить ногу на следующую плиту, Конан опередил его. С быстротой молнии варвар преодолел расстояние, отделяющее его от гиперборейского мага, сгреб того в охапку и отшвырнул в сторону. В следующее же мгновение туда, где только что стоял один из самых прославленных магов ордена Белой руки, ударило прилетевшее откуда-то сверху тяжелое железное копье. Удар был настолько силен, что острие пробило толстую каменную плиту, глубоко застряв в ней.

— Направляя свой разум на постижение сложных умозаключений, не следует забывать о более простых, которые могут быть не менее важны для взаимосвязи событий, — задумчиво изрек магистр, слегка оправившись от неожиданности.

— Не стоит так расстраиваться, колдун, — примирительно произнес северянин. — Просто тебе никогда не доводилось вскрывать заморийские сокровищницы. Помнится, на такую же штуку я едва не напоролся в одной из них. Кром, в довершение всего выяснилось, что лез я зря — она давно уже была опустошена расточительной женой хозяина… Постой-ка, а вот еще один подарок для непрошенных гостей…

Примерно на уровне колена была натянута нить, настолько тонкая, что она едва была различима человеческим глазом. Стоило неосторожно задеть ее, как плита или участок пола переворачивался под непрошенным гостем и тот проваливался туда, где его наверняка ожидало все необходимое для наиболее медленного и неприятного расставания с жизнью.

Маг наклонился над нитью рядом с бывшим охотником за сокровищами.

— Волос женщины-рыбы, такие жили в этих местах еще во времена лемурийцев. После магической войны в живых не осталось ни одной, хотя это были исключительно мирные существа. Должно быть, они исчезли вместе с неизвестным чародеем — их создателем — когда тот покинул наш мир. Хотел бы я взглянуть хоть на одну из этих удивительных тварей. Очевидцы утверждали, что их пение было поистине чарующим и заставляло забыть обо всем на свете… И, насколько я могу судить, этого волоса лучше не касаться. Скажите, друзья мои, как, по вашему мнению, могут ли нас ждать подобные неприятности на ближайших двух плитах?

— Вроде, нет, — еле слышно сказал Авген, внимательно вглядываясь в каменную поверхность, испещренную белыми и золотистыми точками. — Если где-нибудь не скрыт переворачивающий механизм.

— Или если в потолке не ожидает наготове прочная сеть. Иногда в них сажают ядовитых скорпионов. К нашем случае скорпионы наверняка успели передохнуть от старости!

— Значит, придется воспользоваться заклинанием воздушного моста, — задумчиво произнес магистр Гристиан, как бы беседуя сам с собой. — Конечно, вблизи от поверхности это слегка рискованно, но в то же время, похоже, у пас нет иного выхода… Что ж, беритесь за руки, зажмурьте глаза и не открывайте, пока я не разрешу.

Конан и его спутники почувствовали, как каменная поверхность, на которой они стояли, обратилась в ладонь одного из титанов, живших, судя по преданиям, еще до Начала Времен. Невидимый великан осторожно перенес людей через плиты. Открыв глаза, аквилонцы обнаружили, что стоят перед самым выходом на поверхность, по форме напоминавшем арку митрианского храма. Когда-то вход защищала исполинская дверь, но теперь об этом напоминали лишь кованые петли, наполовину вывороченные и закрученные наподобие древесных стружек, да толстая железная плита с замочной скважиной, оплавленная по краям от сильнейшего жара.

— Отныне, — завил маг, — мы не можем прибегать к помощи колдовства. Мы слишком близко к поверхности, где царит древняя магия Граскааля.

— Ну и хорошо! — фыркнул Конан. — Сила, ловкость и разум тоже кое-чего стоят!

Гвардейцы, готовые следовать за королем-варваром хоть в пасть Нергала, выразили согласие дружными криками, от которых с ближайшей вершины упало несколько камней, а серая змея, дремавшая на склоне неподалеку, поспешила уползти к себе в нору.

* * *

Пейзаж был совсем не похож на тот, к которому привык Конан в зимы своего детства. Вместо отвесных склонов и острых пиков, едва покрытых скудной растительностью, путешественники шли по тропинке среди низких деревьев, каждое из которых, казалось, желало как можно теснее прижаться к земле чтобы спастись от никогда не унимающегося ветра. Но, тем не менее, ветви их сейчас были покрыты свежими листьями, источавшими нежный аромат. Тем, кто пожелав собрать их чтобы дополнить трапезу ароматной настойкой, гиперборейский маг доверительно сообщил, что не все, что выглядит привлекательно, годится в пищу. К примеру, листья этого кустарника способны губительно повлиять на некоторые качества столь важные для всякого мужчины. Живности, на которую можно было бы по пути поохотиться, здесь тоже не водилось, а небольшие желто-коричневые ящерицы оказались на удивления юркими и проворными. Поэтому всем пришлось довольствоваться тем, что оставалось в дорожных сумках.

Примерно через седмицу пути Конану и его спутникам открылась долина между горами, подобно гигантской чаше, выстеленной пушистым зеленым ковром. В самой глубине долины стояли Граскаальские ворота.

Ворота представали перед аквилонцами во всей своей величественной красоте. Каждая створка их была вырезана из цельного камня — одна была плитой черного оникса, инкрустированного звездами из молочно-белого камня, вторую створку неведомые мастера прошлого изваяли из полупрозрачного цирконуса цвета зимнего солнца в Киммерийских

горах. Завитки и спирали, украшавшие ее, оказались из аспидного камня, который с древних времен пользуется особым почтением за его целительные свойства и способность за считанные мгновения очищать и делать пригодной для питья самую плохую воду.

Здесь, в затерянной горной долине, воздух был пропитан неведомой древней магией. Даже те, кто считал себя нечувствительным к всякого рода чародейству и волшебству, поглядывали вокруг с некоторым опасением. Гуль был очень насторожен, оборотни напротив, испытывали чувство радости. Сила, струящаяся от каменных ворот, наполняла их весельем, словно в жилах уроженцев Пограничья текло молодое игристое вино с туранских виноградников.

На вершине горы, виднеющейся со стороны полуночного заката, можно было разглядеть нечто, имеющее слишком необычные очертания.

Конан, обладавший зрением во много раз более острым чем у любого из людей, разглядел между полуразрушенными каменными столбами гигантскую прозрачную полусферу, отливавшую всеми цветами радуги. Удивленные взоры обратились к магистру Гристиану.

Тот объяснил, что для выполнения ритуала нужно дождаться часа, когда закатное солнце окажется позади каменного пузыря и лучи его будут освещать Граскаальские ворота. Впереди оставался целый день и самым лучшим будет отдохнуть и набраться сил.

Путешественники расположились в тени низеньких, в половину человеческого роста, деревьев.

Спутники Конана, прошедшие вместе с королем-варваром множество дорог, ничуть не утратили бодрость и присутствие духа. Беспощадно яркое весеннее солнце не помешало оборотням отправиться осмотреть окрестности, а заодно и добыть какую-нибудь дичь, которая могла бы скрасить их не самый изобильный ужин.

Конан спустился к воротам и внимательно осмотрел их. Киммерийцу, как и прочим его спутникам показалось странным, что ворота не принадлежат заброшенному городу или развалинам замка. Какой смысл строить подобное сооружение среди скал?

Заметив недоумение на лицах своих спутников, магистр Гристиан принялся рассказывать:

— Вы правильно удивляетесь, друзья мои. Эти ворота никогда ничего не запирали и в то же время их значение трудно преувеличить. Вам, должно быть, приходилось слышать об эпохе валков, народа, обитавшего еще до Начала Времен? К величайшему несчастью до нас дошли лишь крупицы их мудрости. Они умели летать подобно птицам и в течение долгого времени находиться под водой, обходясь без воздуха. Они постигли многие тайны мироздания. Но древние боги позавидовали валкам и посеяли семена раздора. Некоторые из них обратились к Тьме в надежде познать тайны, запретные для людей. Прочие же, сочтя их изменниками, начали первую из войн, воспоминания о которых доселе вызывают ужас у всякого, кто руководствуется голосом разума.

— Скажи, магистр, а для чего все-таки служили эти ворота? — осторожно перебил рассказчика гвардеец Евдис.

— Назначение их, увы, сокрыто в тьме веков. Известно лишь, что сила, содержащаяся в этих камнях, способна была изменять судьбы не только людей, но и целых государств…

— Для чего тогда сюда пришли мы? — не выдержал один из оборотней.

— Существует предание, одно из немногих дошедших до нас из глубины времен. Когда боги жили среди людей, а древние народы в совершенстве владели магическим искусством и

предпочитали разрешать споры мирным путем, время от времени все же случались войны. Перед одним из сражений, два короля, согласно обычаю вызвали друг друга на поединок и, будучи равными по силе и храбрости, погибли одновременно. Для тех, кто был рожден в эпоху валков, смерть означала лишь утрату телесной оболочки. Та часть, которую простые люди называют душой, а маги предпочитают именовать сущностью, устремлялась сюда, к Граскаальским воротам. В тот час, когда лучи солнца, пройдя через каменный пузырь, освещали их, ворота открывались. Неподалеку отсюда согласно преданию протекал источник, вода которого могла исцелять любые недуги и воскрешать мертвых…

— Стало быть, два короля с помощью магии Граскаальских ворот вернули себе тела, а потом выкупались в источнике и исцелились? — перебил бывший разбойник, слушавший всю эту историю с открытым ртом. — А зачем мы тогда тащили сюда эти тряпки и ржавую цепь?

— Думаю, дело в том, что Матриус далеко не так сведущ, как желает казаться. Скорее всего, он вез своего друга к кому-то, кто смог бы вернуть его в прежнее состояние. Что ж, исцеление Аллимара будет для него приятным сюрпризом.

— Так что же мы ждем? — воскликнул Конан, чья кипучая натура с трудом выдерживала даже кратковременное бездействие. — Солнце уже садится, пора открывать ворота!

Подойдя, он ударил в них мощным плечом, но тяжелые каменные створки даже не шелохнулись. С гневным рычанием варвар повторил свою попытку, но ворота так и остались неподвижны. Воины присоединились к Конану, но всех их усилий хватило лишь на то, что створка из золотистого камня, украшенная черными спиралями, сдвинулась на толщину конского волоса, отчего слой земли, поросший синеватой травой, еле заметно выгнулся.

Конан, его спутники и даже гиперборейский маг, вооружившись более-менее подходящими для этой цели предметами, принялись старательно разрывать мягкую землю чтобы добраться до самого низа створок. Два или три колокола спустя, углубившись на добрый десяток локтей, они наконец увидели полоску орнамента, идущую по нижнему краю ворот. Расчистив место, достаточное для того, чтобы ворота открылись без помех, все разом уперлись в каменные пластины. С легкостью, как будто и не стояли множество веков вросшие в землю, ворота распахнулись, увлекая за собой людей. В это же мгновение, солнечный луч осветил радужную полусферу, стоящую на вершине горы и, разбившись на множество разноцветных огоньков, расцветил поверхность ворот пятнами света, которые, казалось, порхали подобно бабочкам в долине на полуденной стороне Зингары.

Не успели они насладиться зрелищем как прямо между створок появилась знакомая призрачная фигура. Черты лица ее, которые в этот раз были ясно различимы, выражали глумливое веселье.

— Это же надо быть такими простаками, чтобы потащиться на край света, поверив в легенду, смысл которой сокрыт от вас самих! Думаете, меня можно поймать с помощью этой ветоши?

В доказательство своих слов тот, кто некогда был магом Аллимаром, несколько раз пролетел сквозь мантию, которую держали перед ним оборотни подобно тому, как охотники растягивают ловчие сети. После этого он, растянув рот в самой беззаботной улыбке, вытянулся как струйка дыма и поочередно пролетел сквозь каждое звено цепи, покачивающейся в руках бывшего разбойника.

— Все это потеряло силу, когда вы из пустого тщеславия открыли замок, — вещал

призрак, развалившись в самой непринужденной позе на одной из створок.

— А как же ворота? — спросил Хальк, с интересом наблюдая за пируэтами прозрачного существа — ты, маг, пролетел через них не менее трех раз, но что то я не вижу, чтобы ты опять обрел былую телесность…

— Я могу пересекать их хоть несколько лун подряд, но останусь таким, потому что мне это но нраву! Два короля, сказка о которых так и мельтешит в ваших мозгах, изо всех сил желали снова стать живыми людьми. Я же наслаждаюсь тем, что глупые людские законы и правила перестали довлеть надо мной. Как замечательно — не нуждаться ни в пище и воде, пи в ночном отдыхе. Я теперь легче воздуха и могу лететь куда мне вздумается. Неужели вы и в самом деле так наивны, что думаете — я опять захочу стать таким как вы? Но я мудрее вас всех… Лишь мне одному известно как поймать свободную сущность и вернуть ее в бренную оболочку. Вы же об этом не узнаете никогда.

— Не думаю, чтобы тебе самому это было известно, Аллимар, или кто ты теперь есть, — небрежно бросил слуга Духи.

— Ты пытаешься сыграть на моем самолюбии, презренный. Что ж, будем считать, что твоя незамысловатая хитрость удалась. Я могу открыть вам тайну, но делаю это только потому, что мне ничего не угрожает — применить этот способ не получится ни у вас, ни у любого из ныне живущих. Так внемлите же, смертные! Панцирь ямурлакского щитоносца — вот что необходимо, когда требуется удержать на месте бестелесную сущность. Но ни одно из этих существ не сумело пережить катастрофы, изменившей лицо мира незадолго до того, как были построены ворота. Гристиан, ты, конечно, уже поведал своим спутникам, что раньше ворота стояли не в долине, а на вершине величественной горы. И, кстати, открывать врата следовало не вечером, как это сделали вы, а на рассвете, когда первые лучи солнца освещали край круглого кристалла, который, невежды называют каменным пузырем. Я всегда подозревал, что жрецы Духи плохо разбираются в древней магии! Отправляйся назад, колдун, и коротай свои дни в своей снежной пустыне, заговаривая чирьи у крестьян и помогая роженицам разрешаться от бремени. На большее, как я погляжу, ты не способен! Вы что, и в самом деле полагаете, что я заявился сюда лишь потому, что вам вздумалось сперва возиться в земле подобно червям, а затем похлопать створками ворот?.. Видели бы вы сейчас себя со стороны, ничтожные.

И гут полупрозрачная фигура, несколько раз перекувырнувшись через голову, принялась менять свои очертания. На несколько мгновений она становилась уродливым подобием каждого из присутствующих. И Конан с гневом обнаружил собственные черты в изображении гиганта с крохотной головкой еле виднеющейся из непомерно широких плеч и тонкими кривыми ногами. Заметив, как потемнели от гнева лица путешественников, насмешник добавил:

— Ваша беда в том, что вы не цените хорошей шутки. Всякий мудрец должен уметь смеяться над собой, а уж тем более над другими… Удачи, смертные! Желаю вам приятно провести время. В этой стране на каждом шагу можно встретить забавнейшие создания., которые не прочь закусить такими глупцами, как вы.

С этими словами он начал таять в воздухе, пока не исчез совсем.

— Кром, вранье все это! — не выдержал Конан. — Я никогда не слышал ни о каком ямурлакском щитоносце, но если бы даже эта тварь и существовала, на что может быть годен его пустой панцирь? Ведь скорлупа ореха бесполезна, если не защищает собой вкусное ядро.

Но гиперборейский колдун в ответ лишь задумчиво покачал головой и пробормотал:

— Похоже он говорит правду, в древних манускриптах я встречал описание ритуала в котором упоминался такой панцирь. Возможно это единственное, что мы можем попытаться сделать для безумца.

— Но почему панцирь? — не унимался варвар, — чем пустая оболочка от этой твари так примечательна для магических деяний?

— Ну, это как раз просто, — отмахнулся Гристиан, — сам по себе щитоносец не обладает никакими магическими свойствами. Просто этот зверь обитал в Ямурлаке в разломах скал, в которых было сосредоточение магической энергии. Спустя тысячи зим это создание стало невосприимчиво к любой магии, вот почему его панцирь так ценился среди знатоков.

— Ты хочешь сказать, что если древесная белка начнет прыгать с дерево на дерево, то через много зим у нее появятся крылья? — вступил в разговор Хальк. — Ты говоришь странные вещи, колдун. Разве наш мир не создан Небожителями, и любая тварь, обитающая в нем не дело их божественных рук?

— Конечно мир создан богами, — усмехнулся Гристиан, — но кто сказал, что боги в ответе за каждый волос, упавший с твоей головы? Бессмертные сотворили наш мир, но позволили развиваться ему по собственным законам.

— Погоди, погоди, — Конан решительно прервал их философский спор, — ты хочешь сказать, что доспех из этой твари может защитить от любого магического воздействия?

Он поскреб в затылке.

— Теперь я понимаю, чего мне так недоставало все эти зимы…

— Именно поэтому панцирь и является такой редкостью, — вздохнул магистр, — в древности им пользовались, чтобы защитится от чужеродного чародейства. Но гак как это могла сделать как одна, так и другая сторона, то изделия из ямурлакского панциря беспощадно уничтожались всеми, практикующими магию. Легче смириться с тем, что ты сам не имеешь защиты, нежели с тем, что ею обладает твой враг!

— Так что же мы можем сделать?

— Мы можем попытаться попасть в Ямурлак. Если где и сохранились панцири щитоносцев, то только в этом таинственном месте.

Конан пожал плечами.

— Не в моих правилах возвращаться назад с поражением. Веди нас, маг и пусть Митра дарует нам удачу!

* * *

Отряд, направляющийся в земли Ямурлака, уменьшился на несколько человек. Те, кто охотно последовал бы за своим королем в любое пекло — сражаться с живыми врагами, не были готовы к встрече со сверхъестественным. Конан мог приказать им, но не стал этого делать. Если сердце воина не преисполнено отвагой, то от них не будет толку в бою. Поэтому несколько воинов осталось в долине, разбив лагерь неподалеку от стены, ограждающей территорию местности, населенной, если верить слухам, самыми невероятными существами.

По мере того, как герои приближались к таинственным землям, становилась все теплее. Путешественникам с трудом верилось, что недалеко отсюда еще лежит снег, а по вечерам нельзя покидать жилище без теплой одежды.

Цветущая долина была перегорожена стеной слабо светящегося зеленого тумана, через который не было видно даже неба.

Нечто подобное Конан видел на одной из гравюр, украшавших королевскую сокровищницу: земля, покрытая куполом подобно тому, как накрывают крышкой котел, чтобы не дать остынуть пище.

Внутренняя сторона купола была испещрена звездами и прочими небесными телами, а на земле происходили самые обычные события. Крестьяне трудились в поле, армия штурмовала замок, а навстречу ей шла торжественная процессия, в которой можно было распознать свадьбу знатного господина.

А сверху, сквозь купол небесного свода вниз смотрели существа; не похожие ни на что, о чем киммерийцу приходилось слышать, не говоря уже о том, чтобы увидеть своими глазами. Голова человека на тоненьких паучьих ножках, нечто вроде гигантской сколопендры, по обе стороны тела которой виднелись женские лица, создание, все целиком состоящее из глаза и тоненького хвостика, скрученного как у дикой свиньи, из тех, что водятся на полночном закате Таурана…

* * *

Они шли уже не менее колокола, но стена, за которой находился таинственный Ямурлак, и не думала приближаться. Долина, была покрыта сочной зеленой травой и пестрела цветами, как обычно бывает не раньше чем к концу первой летней луны. И это несмотря на то, что во всем остальном мире весна еще как следует не вступила в свои права и трава лишь робко пробивалась там, где солнце пригревало сильнее всего.

Но на того, кто, казалось бы, движется вперед, но ни на шаг не приближается к цели, красота рано или поздно перестает оказывать свое действие. Граница магического государства все так же маячила на горизонте, оставаясь далекой и все такой же недостижимой.

Наконец, кто-то из спутников Конана, потеряв всякое терпение, выразил свое мнение по поводу такого коварства на цветистом языке трущоб портового города. Едва говорящий прервал свое красноречие, как вдали что-то дрогнуло и туманная стена, на несколько мгновений перестала удаляться от путешественников и, кажется, даже приблизилась на несколько шагов. Острый практичный ум подсказал Конану, как нужно действовать, тем более что происходящее уже порядком разозлило его. Сколько можно без толку переставлять ноги! Если кто-то полагает, что может безнаказанно потешаться над Конаном из Киммерии, то он очень скоро убедится в своей ошибке.

Встав в одну из самых угрожающих поз подобно дракону, готовящемуся сразиться с целой армией злобных пиктов, он прорычал сквозь зубы что-то до крайности нелестное о колдовстве и всех чародеях вместе взятых.

Стоило прозвучать одной из фраз, когда-то давно услышанных Конаном еще от товарища по гладиаторской арене, родившегося на восходной стороне Кофа, как наваждение исчезло. Туманная стена, переливающаяся всеми оттенками молодой травы, была теперь от них на расстоянии не более десятка шагов. Но стоило кому-то из гвардейцев приблизиться и протянуть к ней руку, как все тело смельчака пронизал холод подобно ледяным иглам, которыми покрываются в сильные холода камни, деревья и стены домов в Северной Киммерии.

На приближение уроженца Рабирийских гор таинственная преграда ответила совсем по-другому. Она выгнулась навстречу ему как домашний зверек, ожидающий ласки хозяина.

Но ни тот, ни другой не смогли не только проникнуть на ту сторону, но даже вплотную приблизиться к ней. Конан по несколько раз произнес все известные ему ругательства и проклятья, услышанные им, когда он с ватагой из Красного Братства наводил ужас на все побережье Закатного океана, или крепко усвоенные в бытность наемником. Не забыл он и те, которые были в ходу у обитателей неблагополучных кварталов Шадизара.

Неожиданно Конан вспомнил об одном забавном случае. Однажды чтобы дать работу изнывающим в бездействии мышцам, он решил обойти здание дворца по узенькому карнизу, опоясывающему его на головокружительной высоте. Короля-варвара не устрашили ни камни, выпавшие у него из-под ног, ни сильный ночной ветер. Для него, уроженца суровых Киммерийский гор, все это было сущими пустяками. Но, проходя мимо окна покоев одной знатной дамы и услышав, как она отчитывает служанку, бесстрашный северянин едва не потерял равновесие. То, что звучало бы как должно в таверне или на поле сражения, резало слух, исходя из уст такого изящного создания как госпожа Мерания…

Почувствовав, что ярость охватывает его, Конан потянул из ножен меч. Но неожиданно тут варвар ощутил, что ему препятствует сила, ненамного уступающая его собственной.

— Не стоит, ваше величество, — еле слышно произнес гиперборейский маг, — вдруг это будет понято как враждебные намерения? Нам надлежит искать другой вход только и всего.

* * *

Путешественники прошли уже немалое расстояние вдоль туманной стены, но в ней так и не обнаружилось ни трещинки, ни самого крохотного лаза. О том чтобы перелезть через нее или сделать подкоп тоже не могло быть и речи. Казалось, она простирается бесконечно в обе стороны, уходя в небесную сферу и стремясь вниз за пределы земного диска.

И к тому же о каких трещинах и выпавших камнях может идти речь, когда казалось, она не была построена руками разумных созданий, а вырыла сама по себе…

Солнце уже клонилось к закату, когда утомительное однообразие было нарушено. Скала из красноватого камня, испещренного белыми и прозрачными крапинками вылезала за пределы туманной стены на несколько локтей.

Путешественники остановились, размышляя, можно ли извлечь из этого хоть какую пользу. Но тут Зериан, принадлежащий к древней расе гулей, широко улыбнулся, сверкнув клыками, которые он обычно предпочитал прятать.

— Если нам удастся найти траву называемую «хвост ночной птицы», то мы наверно

смогли бы проникнуть на ту сторону.

— Название мудреное, — отозвался Стефанос, — а ты знаешь как она выглядит?

— У нее длинные узкие листья, которые расстилаются прямо по земле, их отличает цвет, не зеленый как у всех прочих растений, а светло-серый. Она растет гам, откуда я родом, жаль, что ее нет у меня с собой, впрочем, в засушенном виде она все равно была бы непригодна…

— Так ты говоришь про ведьмины волосы? — перебил его Авген. — В детстве нам строго-настрого запрещали их трогать. Вроде бы, ведьма будет считать такого своим женихом и не даст приблизиться к нему ни одной из женщин.

Острый ум варвара и его великолепная память, которая удерживала все, когда-либо услышанное и увиденное северянином, моментально подсказала, о чем идет речь, а его зрение, во много раз более острое, чем у обычного человека, помогло разглядеть искомое.

— Так вы говорите о пряже Секвены? Вот там, на берегу речушки ее полно!

Все устремились в указанном направлении как будто за мгновение до того не падали с ног от усталости и не желали более всего на свете растянуться во вес рост и дать отдых измученным ногам.

Из длинных жестких листьев, которые и вправду были похожи на седые волосы или пряжу водяной богини, общими усилиями сплели некое подобие венка, который подошел бы разве что великанше из тех, что населяли мир задолго до начала времен. После этого гуль пожертвовал несколькими прядями волос, которыми оплел венок наподобие того, как оплетают цветными шелковыми ленточками подарок для дамы сердца. Следуя советам гуля, венок приложили к скале примерно на половине роста мужчины.

Как только седая трава, переплетенная волосами существа, принадлежащего к расе намного древней человеческой, коснулась неровной каменной поверхности, она намертво прилипла к ней и внутри венка начало происходить нечто невероятное. При виде того, что стало там творится, возглас изумления невольно вырвался из груди всех, кто оказался свидетелями этого зрелища.

Камень сам собой расступался в разные стороны, не трескаясь и не ломаясь, а так, будто невидимая рука делала дыру в глине или сыром тесте. Еле заметная ямка становилась все глубже и глубже и наконец превратилась в сквозную дыру. Вскоре оттуда потянуло теплым воздухом и ароматом незнакомых трав.

— Скорее! — нетерпеливо подталкивал спутников гуль. Нужно успеть до наступления темноты, иначе…

Один за другим путешественники запрыгивали в дыру и, скатившись по гладкому как будто отполированному искусным мастером желобу, оказывались на той стороне. Стефаносу, который шел самым последним, немного не повезло. Стоило ему скрыться в каменном туннеле, как Колесница Митры, еще недавно выглядывающая из-за окоема, исчезла совсем. Ноги бывшего разбойника уже касались земли самого необычного и таинственного из государств Хайборийского мира, когда дыра в камне начала затягиваться. С тихим еле различимым шорохом становились разноцветные крупинки, на свое место, издавая еле слышный звон сталкивались кристаллы, намертво сцепляясь между собой.

Дорожный мешок, висевший за спиной Стефаноса, оказался проглочен камнем подобно тому как кракен, обитавший согласно преданиям в Закатном море проглатывал моряков и даже целые корабли. Шапку, край которой также оказался внутри скалы, никто не смог вытащить, как ни старались. Перерезав лямки дорожного мешка и освободив побагровевшего

от натуги Стефаноса, все с ужасом и изумлением наблюдали, как обрезанный край войлочной шапки медленно скрывается внутри камня подобно мачте тонущего судна во время шторма.

* * *

Оглянувшись вокруг, путешественники к своему немалому удивлению не увидели рядом никакой стены. Не было и скалы из красноватого камня — всюду, куда достигал взгляд, простиралось болото, поросшее низкой травой, окаймлявшей хищно блестящие оконца черной воды с сухими причудливо изогнутыми деревьями. Они стояли на крохотном островке, со всех сторон окруженном трясиной.

Никто не имел ни малейшего представления, ни как они оказались здесь, ни как им отсюда выбраться.

— Нечасто бывают у нас гости, — раздался совсем рядом скрипучий голос.

То, что казалось не более чем высохшей корягой, валяющейся перед ними на расстоянии в несколько локтей, пошевелилось, открыв глаза удивительного аметистового цвета. И, вдоволь насладившись испугом людей, существо, как ни в чем не бывало, продолжило:

— Что поведаете нам, странники? Что нового произошло во внешнем мире?

— Да, да, потешите-ка нас занятными историями! — раздался пронзительный писк со стороны ближайшего дерева.

Шагая по трясине на длинных тонких ногах, к ним приближалось создание, одновременно напоминавшее гигантское насекомое и сухую ветку. Добравшись до ближайшей кочки, оно непринужденно устроилось на ней, обрывая крупные фиолетовые ягоды и бросая их себе в рот. Конану на мгновение почудилось, что движения диковинного существа полны женского кокетства и даже своеобразной грации и очарования.

— А может быть, среди вас есть певец? — проскрежетало оно. — Пусть споет, и если его песня нам понравится, то мы, так уж и быть, поможем вам выбраться отсюда.

— Да, пусть споет!

— Пусть споет!

— Пусть…

Множество голосов — скрипучих, пронзительных, настолько необычных, что для них, казалось, не нашлось бы слов ни в одном из человеческих языков — раздалось вокруг. Островок суши под пришельцами вдруг заколебался, как бы призывая исполнить просьбу без малейшего промедления. Взоры всех с надеждой обратились на гиперборейского чародея, но тот лишь беспомощно развел руками:

— Здесь я бессилен. Меня учили лишь читать нараспев заклинания, но это вряд ли нам поможет. Но вот вы… вы же воины, которые привыкли горланить песни в придорожных тавернах и на биваках. Вспомните, что-нибудь из того, что обычно услаждает слух бродяг из Хайбории.

В этот мгновение островок качнулся особенно сильно, едва не сбросив путешественников в трясину. Двое гвардейцев провалились в жидкую грязь, один по пояс, а другой скрылся в ней почти полностью и не утонул лишь благодаря существу с аметистовыми

глазами, которое почти насмешливо протянуло ему суставчатую лапу. Выбравшись на поверхность, воины безуспешно пытались привести перепачканную одежду в порядок. Один, встав на четвереньки, шарил руками в трясине в поисках утопленного сапога. Но тут потеря сама появилась на поверхности, торчащая в чьей-то зубастой пасти.

Конан не привык отступать перед трудностями, какие бы необычные обличья они не принимали. Он задумчиво посмотрел на Гристиана.

— Ты прав, колдун, добрые воины не чураются хороших песен. Эй, Стефанос, вспомни, как мы с тобой и Архозом распевали, когда встретились на задворках Шема.

— Тогда мы выпили немало вина, — усмехнулся бывший вор.

— Ну за этим дело не станет!

Киммериец достал меховой бурдюк и сделал несколько жадных глотков, после чего передал его товарищу.

— А я-то гадал, что у тебя в бурдюке, король, — хохотнул Евдис. — Дай-ка и мне, почему бы и не спеть, раз просят.

— Что желают услышать добрые хозяева этих мест? — спросил северянин, вспомнив манеру ярмарочных актеров, которых ему немало доводилось видеть за свою полную приключений жизнь.

— Балладу о короле Конане и офирской принцессе! — потребовало существо с ближайшей кочки и хор голосов присоединился к этому мнению.

Острый ум и природный талант, доселе не нашедший своего применения, помогли хитроумному северянину преодолеть это нелегкое испытание. Голос его, казалось, пригодный лишь для того, чтобы отдавать команды на поле сражения вполне справился и с этой задачей. Стефанос и Евдис старались горланить в такт своему предводителю. Слова варвар выдумывал тотчас же, отчего песня мало напоминала баллады придворных менестрелей.

Закончив петь, киммериец почувствовал небывалое воодушевление, тем более, что слушатели — удивительные обитатели Ямурлака — оказались на удивление благодарными. Поэтому на просьбы спеть еще он не заставил себя упрашивать. На этот раз он уже не стал ничего придумывать, а затянул старую аргосскую песню о бедном юноше, влюбленном в дочь менялы. За свою жизнь, полную самых невероятных поворотов и событий, уж чего-чего, а разных песен он слышал немало. Над бескрайними топями зазвучали слова о полной опасностей жизни членов Красного Братства. Каждый день морских разбойников подобен празднику, и даже то, что любой из них может оказаться последним, не омрачает безудержного веселья.

Вслед за этим уже не дожидаясь просьбы, киммериец исполнил излюбленную песню наемников, а затем — те, которые звучат под закопченными сводами самых жутких притонов Шадизара. Очнулся киммериец лишь оттого, что какая-то рука осторожно подергала его за одежду. Это было существо, которое просидело все это время на кочке, покачиваясь в такт пению. Худая темно-коричневая рука, похожая на сухой прутик, протянулась к самому лицу варвара. На твердой сухой ладошке лежала горка крупных серо-синих ягод. Чутье, сравнимое разве что с инстинктом хищного зверя, не уловило никакой опасности или злого умысла; напротив, поступок продиктован исключительно добрыми намерениями. Поэтому варвар без малейшего страха и колебания в самых изысканных выражениях выразил благодарность и съел предложенные ягоды. Магистр Гристиан, которого он заметил уголком глаза, улыбнулся ему и одобрительно кивнул.

— Нам жаль расставаться с вами, незнакомцы, но мы держим свое слово, — произнесло то существо, которое начало беседу, — Скажи нам свое имя, певец.

— Я Конан из Киммерии, — ответил северянин, — и я рад нашей встрече.

— Мы тоже, — раздалось со всех сторон. — Мы благодарны Конану из Киммерии, о котором мы немало слышали еще до того, как он появился на свет. Будем рады видеть вас. Следуйте по этой тропинке, только не сворачивайте в сторону. Да не оставить тебя удача, Конан из Киммерии.

И в самом деле, там, куда показывал хвостик коряги, расстилалась прямая как полет стрелы тропинка из твердо утоптанной земли, окруженная низенькими кустиками, усыпанными ароматными желтоватыми ягодами.

Только тогда, когда они отошли от болота на приличное расстояние, путешественники вспомнили, что так и не спросили, где можно найти хоть одного ямурлакского щитоносца и как убедить его расстаться со своим панцирем.

И лишь несколько колоколов спустя Конан и его спутники, наконец, сообразили, что там, за стеной, должно быть, давно уже наступила глухая ночь, а здесь сиял день, как будто даже у времени за туманной стеной были собственные привычки. Иначе как можно услышать о подвигах еще до того, как они были совершены?

* * *

Сразу за болотом потянулся реденький лесок, где из покрытой ярко-желтым мхом земли торчало множество громадных валунов. У любого, кто питает склонность к драгоценным камням, непременно загорелись бы глаза. Ярко-синие, пурпурные, молочного цвета глыбы выглядывали из-под земли. Одни из них были покрыты узором, напоминающим змеиную шкуру, другие казались произведением неведомого мастера. Даже магистр Гристиан не мог оторвать взгляда от них, взахлеб рассказывая своим спутникам, какими замечательными талисманами могли бы они стать для того, кто сможет найти с ними общий язык. Ведь в камне заключена душа точно так же как в живом создании или растении. Поэтому следует, как можно меньше подвергать огранке драгоценный камень, если не хочешь искалечить его душу или не желаешь, чтобы он затаил на тебя зло…

Залюбовавшись и заслушавшись, никто не заметил, громадную тень, бесшумно скользящую рядом с ними. Даже Конан испытал некоторое удивление, когда с серебристо-серого камня, напоминавшего уснувшую ящерицу, на него спрыгнуло что-то отдаленно напоминавшее человека. Черты уродливого лица выражали сильнейший гнев и желание немедленно уничтожить пришельцев, вторгшихся на его территорию. Странное существо с ног до головы было покрыто темно-бурой шерстью, правда, делавшей его похожим не на дикого зверя, а па человека в зимних одеждах.

С грозным рычанием тварь бросилась на Конана. Северянин не привык, чтобы кто-то превосходил его размерами, но сейчас рядом с неожиданно появившимся противником могучий киммериец почувствовал себя примерно так же как ребенок рядом с рослым мужчиной.

Но замешательство длилось не более мгновения; навыки, приобретенные за годы полной

опасности жизни, спасли его и на этот раз. Все произошло так внезапно, что Конан не успел вытащить меч, кроме того, природное чувство чести не позволило бы применить его в то время как противник, в глазах которого сверкал почти человеческий разум, был не вооружен. Поэтому северянин ограничился тем, что быстро отстегнул ножны с мечом, чтобы те не стесняли его движений. Властным движением он остановил тех, кто хотел броситься ему на помощь; ему хватит силы и отваги, чтобы победить в честном поединке, а если нет, что же, он умрет, как подобает воину и суровый бог Кром встретит его в небесных чертогах.

Конан и воинственный обитатель Ямурлака схватились на окруженной камнями крохотной площадке. Могучие мышцы киммерийца, натянулись подобно корабельным канатам и, казалось, готовы были лопнуть.

Но кроме необычной для человека силы варвар обладал невероятной ловкостью и острым умом, которым был обделен его противник. К тому же, на жизненном пути киммерийца по воле благоволившей к нему судьбы встречались истинные мастера, охотно делившиеся с юношей-северянином своим умением.

Спутники Конана, расположившиеся вокруг, подобно зрителям на гладиаторской арене, с восхищением смотрели, как громадная поросшая бурой шерстью туша взлетает, ударяется о камни и поднимается опять как будто чувство боли было ему неведомо. Никто из них не смог уловить, как все произошло, просто непонятно как Конан оказался стоящим на распластанной подобно лохматому ковру туше, удерживая ее за мощную лапу, вывернутую самым невероятным образом.

— Что же ты смотришь, добей его! — не выдержал Стефанос. Но подобное обращение с побежденным было не в привычках благородного варвара. Не сводя внимательного взгляда с поверженного противника, он обратился к нему на аквилонском, искренне желая, — чтобы этот язык оказался знаком странному существу.

— Кто ты? Зачем ты напал на нас?

— Вы чужаки, пришли чтобы украсть священные камни, — раздался в ответ приглушенный голос.

— Нам не нужны ваши камни, клянусь Кромом! — ответил северянин. — Мы пришли с миром и не желаем никому зла. Обещаешь ли ты больше не нападать на нас?

— Гухки уважают того, кто победил их в честном поединке, пришелец. Оглянись вокруг, о пришелец, и ты убедишься в том, что гухкам чужды двоедушие, ложь и коварство.

В самом деле, путешественники с изумлением увидели вокруг себя множество таких же мощных наводящих страх созданий, каждое из которых было в состояний справиться с ними всеми одним ударом лапы. Некоторые были безоружны, другие держали нечто вроде грубо сделанных каменных топоров.

— Что же понадобилось вам в Ярмулаке? — спросил гухк, поднимаясь с земли.

Вздох изумления невольно вырвался из груди королевских гвардейцев и даже гиперборейского мага.

Недавний противник превосходил Конана но росту более чем на две головы и был намного шире в плечах, не говоря уже о мускулистых руках, которые толщиной не уступали туловищу туранского воина.

— Мы пришли за панцирем щитоносца, — ответил Конан — Он необходим, чтобы спасти одно заблудшее создание. Иначе он так и останется бесплотным призраком, одержимым безумием, опасным для всех, кто встретится на его пути и для себя самого.

— Панцирь щитоносца? — переспросил гухк и его широкая грудь заколыхалась от

смеха, а звуки, вылетающие из глотки были подобны грохоту боевого барабана пиктов. — Не думаю, чтобы вам это удалось; после того, как реки вышли из берегов, а солнце стало не таким жарким, здесь не осталось ни одного живого щитоносца.

— Но нам не к чему живой зверь — вступил в разговор Хальк, — нам будет довольно и панциря. Мы можем потом вернуть его, если это уж такая ценность.

— Это достойные слова, — кивнул косматой головой их собеседник. Но последний щитоносец покинул этот мир задолго до того, как упала стена. Людям, которые хлынули сюда, пришлись по вкусу эти панцири. Легенды гласили, что они надежно защищали от любого чародейства, поэтому их утаскивали целыми грудами. Мы же, были бессильны что-либо предпринять, ибо наше предназначение — охранять священные камни.

— Не может быть, чтобы хоть где-нибудь в уголке не завалялся хоть какой-нибудь плохонький, — подал голос Стефанос. — Нам только один и нужен, после этого мы покинем Ямурлак, не причинив никому беспокойства.

— Более того, если вы нуждаетесь в какой-либо помощи и мы в состоянии оказать ее — мы с радостью это сделаем, — добавил гиперборейский маг.

— Хорошо, мы подумаем над этим, а теперь прошу вас быть нашими гостями.

* * *

Деревня гухков оказалась совсем неподалеку. Она стояла на поляне, окруженной стенами из молочно-зеленого камня, особенно любимого кхитайскими владыками. Считалось, что носящий при себе талисман из камня, называемого небесным зеркалом, неуязвим для любого зла и многих недугов. Интересно, что бы сказали придворные Небесного Императора, увидев такое великолепие, — подумал Конан. — Должно быть, от восхищения они лишились бы дара речи.

Вопреки ожиданиям, дома гухков оказались построены из бревен с крышей, укрытой чем-то похожим на речную траву, растущую по берегам Громовой реки на Полночь от Велитриума. Строения, чем-то напомнившие Конану дома в его родной деревне в горах Северной Киммерии, выходили на небольшую круглую площадь, посреди которой возвышался граненый столб из того же зеленоватого камня.

Присмотревшись, нежданные гости увидели в жителях деревни все больше и больше сходства с людьми. Среди тех, кто вышел навстречу, с любопытством разглядывая, были детишки, шныря-ющие под ногами и пытающиеся подобраться как можно ближе к странным пришельцам и по возможности дотронуться до них, были глубокие старики. Жители деревни не пользовались одеждой, но густая темно-бурая шерсть с успехом заменяла ее, скрывая все, что разумному созданию не подобает выставлять напоказ.

Судя по тем почестям, которые ему оказывали, недавний противник Конана оказался самым главным, вроде вождя племени. В доме, куда он привел своих гостей, было еще двое его сыновей, которых звали Оха-Гухк и Инно-Гухк, а также жена и дочери, имена которых были чересчур сложны для того, чтобы быть произнесенными человеческими устами.

Самого его так и звали Гухк; путешественники так и не поняли, было ли это имя или нечто вроде титула вождя. Людской речью владел лишь хозяин дома. Его аквилонский был

вполне понятен, разве что звучал несколько старомодно: таким языком писались манускрипты во времена начала царствования Вилера.

Комната, куда их провели, была обставлена простой деревянной мебелью, иол, стены и грубо сколоченные скамейки были покрыты ковриками, сплетенными из травы. К немалому удивлению гостей, они не заметили ни одного предмета, сделанного из цветного камня, вроде тех, которые находились неподалеку от деревни. Кроме громадных глыб и валунов там валялись и осколки вполне пригодные для того, чтобы изготовить из них украшение или что-нибудь для дома. Гухк ответил на невысказанный вопрос:

— Мы не можем заставлять священные камни служить нам, ибо нельзя — использовать их для низменных целей. Пользоваться камнями дозволено лишь Тому Кто Смотрит. Завтра па рассвете я отведу вас к нему и может быть, вы узнаете то, что хотите. Если в пределах Ямурлака остался хоть один панцирь щитоносца, он не укроется от его внимательного взора. Добраться же до него и заполучить будет уже вашей заботой.

* * *

Ужин, состоящий из овощной похлебки, приправленной ароматными травами и кисловатым отваром, оказался на удивление вкусным, а ночлег в комнате, где не было ничего кроме толстых пушистых травяных ковриков, вернул силы усталым путешественникам.

На следующее утро, не успел луч солнца показаться из-за черты, отделяющей небесный эфир от земной тверди, травяная занавеска, заменяющая дверь, заколыхалась и в комнату осторожно заглянула жена Гухка. Издавая мелодичные воркующие звуки, она поставила на пол поднос, на котором стоял дымящийся котелок и нечто вроде деревянных чашек без ручек. Это был завтрак — жидкая зеленоватая каша, запах которой напомнил Конану медвяные цветы, распускавшиеся каждую весну на склонах его родных гор…

Жилище шамана располагалось, как и положено, немного поодаль от деревни, с внешней стороны светло-зеленых стен. Дом его в отличие от всех остальных был из ярко-оранжевой глины; стены сверху донизу украшал причудливых узор из разноцветных камушков. Напротив входа стояла черная гранитная чаша, широкая и с такими низкими стенками, что оставалось лишь теряться в догадках относительно ее назначения. Внутри нее был выложен ровный круг из плоской белой гальки не больше аквилонского кесария.

— Зеркало мира, — вполголоса пояснил Гухк, обращая к чаше взгляд, полный безграничного почтения. Тот Кто Смотрит может увидеть в ней все, что происходит в пределах Ямурлака и за его стенами.

Внезапно за спиной Конана послышался звук легких шагов, еле различимых слухом обычного человека.

Обернувшись, киммериец увидел перед собой очень старого гухка, пожалуй, самого старого из увиденных им. Покрывающая его тело длинная совершенно седая шерсть была заплетена во множество косичек, в которые были вплетены разноцветные бусинки, какие-то ремешки и ленточки. Спина гухка была согнута настолько, что, казалось, он способен был видеть лишь то, что находится у него под ногами. Посох, который служил опорой его дряхлому телу, был из того же камня небесной чистоты, что стены, окружающие деревню и

столб, стоящий посреди площади.

Шаман поднял голову и обвел пришельцев внимательным взглядом. Его маленькие темные глазки на некоторое время остановились на гиперборейском маге. Некоторое время они с магистром Гристианом неотрывно смотрели друг на друга. Казалось, они ведут между собой разговор, неслышимый всеми прочими. Судя по выражению их лиц, оба остались им довольны.

Тот Кто Смотрит издал низкий вибрирующий звук, показывая сначала в направлении своего дома, а затем куда-то вдаль. Гухк перевел своим гостям:

— Вам надлежит взять сосуды и отправиться к священному источнику, чтобы наполнить чашу зеркала мира. Вопрошающие должны сами сделать это, чтобы слова их были услышаны в сосредоточии истины.

Не возразив ни единым словом, Конан и его спутники исполнили то, что им было сказано. За домом и в самом деле оказалось нечто вроде плотно сплетенных корзинок, которых было ровно столько, сколько пришедших за ними людей.

Узкая дорожка, выложенная разноцветными каменными осколками, вела вниз по склону и терялась в зарослях колючих кустарников. Не колеблясь, путешественники углубились в них. Острые шипы цеплялись за одежду, царапали лица и руки, но отважные воины продолжали двигаться вперед, даже не замедлив шага. Гиперборейский маг в отличие от всех остальных отделался лишь разорванной мантией. Колючие кусты как будто избегали притрагиваться к нему.

Наконец после долгого и трудного пути они подошли, наконец, к священному источнику. Это было нечто вроде обломка скалы, того же угольно-черного цвета, что и чаша, называемая зеркалом мира. Но там, где из-под земли вытекал родник, стоял непонятно откуда взявшийся серый валун, похожий на яйцо дракона; вода вместо того, чтобы веселой струйкой сбегать в крохотное озерцо, еле сочилась подобно слезам безутешной Спутники Конана стояли, озадаченно глядя на печально текущие капли.

— Эдак мы до вечера не справимся, — выразил общее мнение Каврат. Не забывайте, шаман может ответить нам только до восхода солнца. А до него не более четверти колокола.

— Откатим этого урода куда-нибудь в сторону и все дела! — предложил бывший разбойник.

— Не думаю, чтобы это было правильно, — ответил ему гиперборейский маг, проводя ладонью над поверхностью перегородившего источник камня и как будто прислушиваясь к чему-то. — Если я верно истолковал все знаки, то лежащее на нем заклятье особого рода. Если центр камня и место, откуда течет вода, перестанут образовывать прямую линию, источник может иссякнуть, возможно, даже навсегда. Можно было бы заставить камень подняться в воздух, не нарушая его положения относительно источника… Но чтобы разобраться с хитросплетениями существующих заклинаний и ничего не нарушить, мне потребуется время. Боюсь, что для этого нужно не менее колокола.

Конан, кипучая натура которого не выносила длительного бездействия, хмыкнул и, шагнув вперед, просто обхватил камень и поднял его.

Вода, как будто ожидая этого, хлынула из-под земли вверх, подобно фонтану в королевском парке.

Гладкий серый валун оказался намного тяжелее, чем можно было предположить. Даже для Конана было нелегко удерживать его на весу столько, сколько потребовалось, чтобы его спутники наполнили сосуды чистой прозрачной водой. Казалось, еще немного и его ноги под

действием ужасной тяжести сами уйдут в рыхлую влажную землю. Но благородный варвар не привык бросать начатое на полпути и даже не пошевелился пока последняя из корзинок не оказалась полна до краев. После этого он, с трудом сохраняя неторопливость, положил камень на место. Кто знает, а вдруг недостаточно уважительное обращение будет сочтено оскорблением здешними богами?

Они направились в обратный путь и к большому удивлению заметили, что колючие кусты, не дававшие им пройти, больше не загораживают дорогу. Более того, теперь они стояли на расстоянии не менее локтя от выложенной цветными камнями тропинки.

Но впереди путешественников ждало другое испытание. Камни, по которым они ступали, вдруг стали на удивление скользкими, как будто на них разлили настой из корня жгучей травы, которым аквилонские дамы так любят мыть волосы.

Тропинка как живая норовила вывернуться из-под ног, извиваясь не хуже болотной змеи, которые водятся к полночной стороне Зингары и яд которой особенно ценится чародеями. Ведь будучи принятым в малом количестве, он несоизмеримо увеличивает дар ясновидения… Корни растений, до сих пор мирно торчавшие из-под земли, теперь, казалось, хватали всех за ноги, не давая продвинуться пи на шаг, не расплескав при этом воду. Оборотни, попытавшиеся идти не по тропинке, а рядом, вдруг поняли, что ноги не слушаются их, отказываясь ступить на ровную твердую землю. Но в личной гвардии Конана оказывались лишь те, кого не страшат никакие препятствия. Ступая с ловкостью канатоходцев, путники достигли, наконец, конца тропинки, а затем и дома шамана.

Повинуясь жесту Гухка, они осторожно, как редкое дорогое вино, вылили содержимое своих корзинок в каменную чашу. Воды во всех сосудах оказалось ровно столько, чтобы наполнить ее до краев. Поверхность ее тотчас же вспыхнула холодным серебристым пламенем подобно раствору в реторте алхимика.

Тот Кто Смотрит, приблизился к чаше и принялся безмолвно вглядываться в ее глубину. Прошло не менее половины колокола, потом еще, а шаман все продолжал стоять подобно жутковатой статуе вроде тех, которые, если верить слухам, украшают дворец верховного чародея Стигии.

Конан и его спутники неподвижно застыли в отдалении, стараясь не помешать творящемуся волшебству ни одним движением и даже звуком своего дыхания.

Наконец шаман рукой с толстыми короткими пальцами, на каждом из которых красовался длинный загнутый внутрь коготь, провел по поверхности воды, как бы стирая рисунок. Горделиво откинув голову, насколько позволяла согнутая спина, он что-то сказал Гухку на том же диковинном языке. Тот сперва присел перед ним, склонив голову к левому плечу и положив свою мускулистую лапу туда, где у всех живых существ бьется сердце. Отдав дань почтения, он перевел сказанное своим гостям:

— Радуйтесь, явившиеся из мира за внешней стеной! То, что вы ищите, не исчезло, последний оставшийся панцирь щитоносца здесь, в Ямурлаке в нескольких днях пути отсюда. Приложив должное старание и хитроумие вы, возможно, сумеете завладеть им.

— А где он? И кто его хозяин? — решил внести ясность Конан, зная, привычку тех, кто имеет дело с неизведанным, уходить от сути, пускаясь в философские рассуждения.

— Терпение, воин. Панцирь щитоносца находится у Элдии, повелительницы арракасков, она держит в нем свои украшения. Возможно, вам удастся убедить ее расстаться с любимой безделушкой.

— Что ж, нам случалось добывать и не такое! — просиял бывший вор. — Владычица

ничего не заметит.

— Не думаю, что все так просто, — покачал косматой головой гухк. — Судьбу того, кто вызовет гнев арракасков, вряд ли можно назвать завидной.

— Подожди, ты сказал «арракасков»? — встрепенулся Стефанос. — Не те ли это твари, взгляд которых, превращает любое живое существо в камень. Как-то неохота доживать свой век статуей, клянусь Солнцеликим.

— Тем более вряд ли из тебя получится нечто, достойное услаждать взор изящной дамы, — заметил летописец. — В лучшем случае п сгодишься на то, чтобы тебя поставили где-нибудь в задних комнатах. И тебе очень повезет, если служанки будут вовремя сметать с твоих каменных плеч пыль.

— А может быть им тоже захочется послушать песню? — поинтересовался один из оборотней, — по такому случаю даже я готов провыть что-нибудь про любовь. Все лучше, чем оборачиваться в камень…

Он поднял голову и завыл.

— Эй, прекрати, а то я забуду на миг, что я король и спущу с тебя шкуру, — прорычал Конан, и потянулся за палкой.

— Услышав такое пение, любой аррак сбежит, если только не успеет обратить тебя в камень, — хихикнул Хальк, подобострастно осмотрев на киммерийца.

Оборотень замолк и, взвизгнув, отскочил, ровно перед тем, как увесистый камень бухнулся на то место, где он только что сидел.

Шаман потянулся за новым камнем, но потом только сплюнул и ушел обратно в хижину.

— Видишь, даже его мохнатые уши не выносят твоего воя, что уж говорить о арракасах, — захохотал северянин.

— К сожалению, я бессилен поведать вам, каким способом завоевать сердце владычиц: арракасков, — произнес гухк. — Тот Кто Смотрит не пожелал рассказать вам это, значит, так должно. Следуйте в сторону полночного восхода и к исходу третьего дня вы будете на землях арракасков.

И да будут милостивы к вам ваши боги!

* * *

За много дней пути отсюда в развалинах древнего давно заброшенного города, в глубине подземелья, бывшего некогда винными погребами, составлявшими гордость представителя одного из самых древних и знатных родов происходило нечто, способное ужаснуть любого нечаянного свидетеля.

Посреди лишенного окон зала, освещенного лишь слабо коптящими светильниками, на постаменте сплошь исписанном магическими символами, истинный смысл которых был известен лишь немногим, стоял узкий ящик из черного железа. Человек, лежащий в нем, показался бы давно умершим, если бы не чуть заметное дыхание, которое нарушало его неподвижность. Лицо его выглядело изможденным, как если бы этот человек провел долгое время обходясь без пищи или будучи прикован к одру болезнью. На левой руке, бессильно лежавшей вдоль тела, виднелся широкий браслет из того же темного металла, что и ящик.

Любой, кому хоть в малой степени дано было почувствовать магические эманации, ощутил бы, что это вовсе не украшение и не амулет, который надевают, чтобы он защитил своего владельца от зла. Казалось, браслет вытягивает из этого почти безжизненного тела остатки сил, принуждая к неподвижности.

Несколько фигур в темно-красных мантиях с капюшонами, низко надвинутыми на лица, вполголоса переговаривались, глядя на лежащего перед ними.

— Для чего мы сохраняем эту бренную оболочку? Не лучше ли уничтожить ее, как вы сделали это с сущностью? Тогда Аллимар окончательно перестанет быть угрозой для нас.

— Все не так просто, брат. Сил всего нашего ордена не хватало бы, чтобы уничтожить сущность чародея такой высокой степени посвящения. Все, что удалось нам — это отделить сущность от тела и лишить памяти, заставив его разум крепко спать. Теперь он подобен неразумному ребенку, по-детски испытывая склонность ко всякого рода шалостям и в то ж время совершенно лишенный доброжелательности и по-старчески невоздержанный в своих речах.

— Но поведайте мне, командор, каким образом удалось подобраться к нему во время сна? Осторожность и подозрительность Аллимара давно вошла в поговорку.

Чувства, ученик, причиной всему человеческие чувства. Именно они губят нас, разрушая самые великие начинания. Если желаешь в чем-нибудь преуспеть, то в первую очередь заставь замолчать чувства, делающие тебя слабыми. В душе непревзойденного мастера боевой магии теплилась нежность к одной недостойной девице, с которой он был когда-то близок. Сотворить из похожего объекта точное подобие ее было не так уж сложно. Она стала совершенно такой же во внешности, в речах и в самых тончайших деталях, вы понимаете, о чем я? А когда он уснул, пребывая на верху блаженства…

— А что произошло потом с этим порочным созданием?

— А вы как думаете? Она выполнила свое предназначение и этим все сказано.

— Но если Аллимар представляет собой такую опасность для ордена, отчего не выбросить за грань мира и сущность и ее вместилище? Пусть вечно пребывают там, лишенные разума и памяти.

— Ну зачем же портить то, что можно обратить себе на пользу? Когда брат Матриус доставит ее сюда, сущность Аллимара будет служить нам не хуже любого из демонов. А тело будет своего рода залогом, что столь ценный прислужник никуда не сбежит от нас.

— Какой у него замечательный браслет! И сколько в нем силы, я так и чувствую, как она струится у меня по коже!

— Осторожнее, сестра, страсть к украшениям когда-нибудь вас погубит. Перед вами не простое украшение; браслет из железа, закаленного в крови Первых удерживает Аллимара в нашей власти…

В это мгновение прямо из воздуха сгустился пергаментный свиток, ослепительно светящийся как если бы состоял из жидкого огня. Потухнув, он упал прямо на подставленную ладонь того, кого называли учителем и командором. Просмотрев письмо, он заметно помрачнел, отчего волны мрака и холода распространились от него по всей комнате, заставив остальных испуганно отодвинуться, невольно пытаясь спрятаться в спасительной тени. Даже человек, пребывающий в беспамятстве в своем покрытом рунами саркофаге, и тот, казалось, ощутил перемену. Черты лица его, доселе бесстрастные, теперь выражали глубокую печаль.

— Проклятый Матриус! — раздался голос, подобный шипению рассерженной змеи, он

дорого поплатится за свою оплошность, клянусь хвостом Сета!

* * *

— Я вот одного не могу понять — недоумевал Авген. — Ямурлак на карте такой маленький, ведь, кажется, из конца в конец за один день проехать можно, а вот, поди же ты, который день блуждаем…

— Так то на карте, а то в жизни, понимать надо — наставительно ответил ему Евдис. — Верно я говорю, колдун?

— Более чем верно, воин, — ответил магистр Гристиан, вглядываясь внутрь крохотного пузырька, где в густой прозрачной субстанции извивалось крохотное существо, похожее на гусеницу-многоножку, настоящее бедствие аргосских виноградников. — Увы, даже примитивные создания здесь отказываются повиноваться. Вот это, например, упорно не желает поворачиваться хвостам в сторону восхода — добавил он немного расстроенным тоном.

* * *

Сперва вглубь леса вела узенькая тропинка, хорошо заметная среди низкого стелющегося кустарника, усыпанного ярко-зелеными ягодами, затем она исчезла и путешественникам оставалось идти, ориентируясь лишь по солнцу. Даже звезды не годились здесь в качестве путеводной нити; посмотрев на небо, кто-то из спутников Конана увидел, что все созвездия приняли странные и незнакомые очертания.

На исходе третьего дня они заметили первый знак того, что они почти добрались до цели.

Квентин едва не наступил на крохотную птичку, которая окаменела прямо в полете, расправив крылья и чуть приоткрыв клюв. Некоторое время он держал ее на ладони, раздумывая, каким образом могло оказаться в лесу это изваяние. Вскоре оборотни нашли и других окаменевших зверей. Сомнений более не оставалось: земли арракасков приближались.

Отряд стал двигаться с осторожностью. Все, даже магистр Гристиан, смотрели лишь себе под ноги, чтобы ненароком не встретится взглядом с ужасным созданием, способным обратить живое существо в камень. Конан шел первым и всматривался в искусно отполированное лезвие своего меча, в котором и отражалась окружающая местность.

— И долго вы собираетесь так брести подобно веренице калек? — неожиданно раздался насмешливый женский голос.

В лезвии меча отразилась стройная даже худощавая женщина с роскошными волосами медового цвета, которые достигали почти до пояса. Невозможно было сказать, молода она или уже переступила порог зрелости, но Конану показалось, что более привлекательной

женщины он не видел за всю свою богатую приключениями жизнь, в которой вовсе не было недостатка в женском внимании. Незнакомка приближалась и движения ее были преисполнены своеобразной грации, они зачаровывали подобно музыке или бокалу дорогого вина. Но все это меркло перед красотой ее глаз — ярко-зеленых, сверкающих подобно драгоценным камням. Похоже, увиденное зрелище немало развлекло ее.

— Ну что, — переспросила она, — так и будем стоять, уставившись себе под ноги будто провинившиеся дети? Если у кого-нибудь из вас достанет смелости раскрыть рот, пусть он скажет, что привело вас в земли арракасков. Воин, может быть ты перестанешь прятаться от меня за лезвие меча? Или ты так боишься женщин?

Конан побагровел и медленно опустил меч. Борясь с сильнейшим желанием посмотреть в глазастой, которая считает возможным безнаказанно насмехаться над ним, он сдержал гнев и размеренно ответил.

— Мы пришли с миром, прекраснейшая, — и, не обращая внимания на раздавшийся в ответ на его слова смешок, продолжил, — мы хотим видеть принцессу Элдию.

— А вот захочет ли принцесса видеть вас, — фыркнула насмешница, — впрочем, мы не ищем ссор с чужеземцами. Будь по вашему, идите дальше. На половине полета стрелы, между белым камнем и деревом-охотником вы найдете маски из темного кварца. Наденьте их и тогда вы сможете смотреть вокруг без страха за свою судьбу. После этого можете идти к реке и далее по мосту, а после вас встретят. Надеюсь, ваше дело и впрямь того стоит.

И, еще раз хихикнув, прекрасная незнакомка исчезла в густой зелени.

* * *

За мостиком, сложенным из тонких бревнышек серебристого цвета, их и в самом деле встретили. Это были две совсем юные девушки, недавно вышедшие из детского возраста. Было досадно, что маски из дымчатого прозрачного камня не позволяли в полной мере насладиться их красотой. Одеты они были, как и та, которая встретила их в лесу, в узенькие штаны из тонкой кожи и нечто вроде коротких туник, позволяющих видеть их руки — одновременно изящные, но не производящие впечатления слабых, не способных поднять ничего тяжелее чашки воды.

— Мы ждем вас, чужеземцы, — сказала одна, волосы которой были цвета осенней соломы.

— Идите за нами, принцесса готова говорить с вами, — продолжила другая с копной пышных темно-рыжих волос.

Конану и его спутникам ничего не оставалось, как повиноваться.

Дорожка, более похожая на ухоженную аллею в королевском парке, привела их к ажурному строению, напомнившему Конану беседку, целиком доставленную его предшественнику из Кхитая. Правда, в отличие от беседки, каждое составлявшее его бревнышко было покрыто тончайшей резьбой, отчего весь дворец казался сплетенным из кружева.

Поднявшись по ступенькам, путешественники оказались в небольшом зале и с интересом принялись оглядываться вокруг.

— Кажется, маски тоже не прибавили вам храбрости, чужеземцы, — услышали они уже знакомым голос. — Проходите, не стойте на пороге. Или грозные воины боятся хрупких дев?

Подняв голову Конан увидел перед собой уже знакомую насмешницу. Теперь она сидела на резном, деревянном троне, закутанная в серебристо-зеленые шелка.

На голове ее был изящный венец, который неведомый мастер изготовил из мелкого речного жемчуга. По обе стороны стояли придворные дамы в роскошных платьях, стражницы в латах из непонятного белого металла, украшенных жемчугом, женщины-арракаски в темных более скромных одеяниях.

Отсутствие мужчин насторожило путников, поневоле в голову стали приходить мысли, что несчастные наверняка были превращены в камень этими коварными созданиями и теперь их безмолвные изваяния украшают аллеи этого ажурного дворца.

Конан почувствовал нерешительность, обуявшую его спутников, хмыкнул, и шагнул вперед.

— У нас к тебе дело, принцесса! Вот наша история…

На протяжении почти одного поворота клепсидры киммериец повествовал об их приключениях, начиная с того мгновения, когда они случайно заметили мантию, с непонятной целью прикованную к стене. Разумеется, многие события и побуждения, руководившие им и его спутниками, претерпели в этом рассказе значительные изменения. К примеру, Стефанос и Авген не затеяли между собой спор, а преисполнившись жалостью, решили отпустить на свободу несчастного, безо всякого сомнения, испытывающего неслыханные страдания. Когда же они узнали, что таким образом преданные и бесконечно опечаленные друзья везли пораженного тяжким недугом, было уже поздно и теперь они должны во что бы то ни стало загладить последствия своего неуместного душевного порыва и излишней старательности.

Женщины-арракаски слушали его, затаив дыхание, из глаз некоторых выкатились серебристые капли и, скатившись на иол, прожгли в нем крохотные дырочки.

— У нас это называют поцелуем урсуса, — задумчиво произнесла принцесса Элдия, — то, что задумано ради добра, а на деле оборачивается еще худшей бедой. Пожалуй, ради такой благородной цели я готова расстаться даже с любимой шкатулкой. Нет, не спешите благодарить, я потребую кое-что взамен.

— Все, что угодно, принцесса! — воскликнул Конан, радуясь, что все разрешилось без особых сложностей и тут же, вспомнив об осторожности, добавил, — разумеется, если это будет в моих силах.

— Конечно, будет! — смех Элдии беззаботно зазвенел подобно весеннему ручью, волны которого перекатывают крохотные острые льдинки. — Оставь с нами одного из своих подданных, король Конан. Пусть он погостит у нас не менее одной луны, а дальше может оставаться столько, сколько пожелает. Все наши мужчины умерли, — добавила она таким тоном, каким ребенок рассказывал бы о сломанной игрушке. — Нам необходима свежая кровь, — добавила она, явно подражая кому-то и, заметив, что гуль, услышав эти слова, сердито сверкнул глазами, снова рассмеялась. — Не для того, для чего ты подумал, Бегущий-В-Ночи. Тому, кто воспользуется нашим гостеприимством, не придется об этом жалеть. Если желающих окажется больше, нам это только доставит удовольствие. А пока что прошу вас отдохнуть с дороги. Вечером мы устроим большой пир, ведь не так часто в наши места забредают путники. Надеюсь, вы сумеете развеять нашу скуку историями о внешнем мире.

* * *

Оказавшись в светлом уютном павильоне неподалеку от дворца, путешественники все же предпочли не расставаться со своими масками, закрывающими верхнюю половину лица и не служащими препятствием ни для того чтобы дышать, ни для того, чтобы вкушать предложенную пищу и напитки.

В отличие от жилища гухков, здесь на полу было набросано множество расшитых подушек. Большие, величиной почти с целую перину, расшитые золотыми нитями, совсем маленькие, обтянутые топкой кожей и украшенные блестящими бусинками, монетами и мелкими ракушками, валики из пестрой ткани, перевитые серебристыми шнурами…

— Да они тут просто рукодельницы, — восхищенно заметил Стефанос, со знанием дела разглядывая одну из подушек, на которой тончайшими шелковыми нитями была вышита целая картина. — Моя мать была до этого дела великой охотницей, только такой красоты у нее никогда не выходило…

— Я вам сразу говорю — разволновался Каврат, — я не согласен тут остаться! Уж лучше в пасть к Нергалу. Почетнее погибнуть в бою, чем стать игрушкой в руках этих безумных рукодельниц!

— Никто тебя и не думает заставлять, — успокоил его Конан, — они же сказали, что выбор должен быть добровольным. Правда, если никто не согласиться, тогда будем тянуть жребий. Все должно быть по справедливости.

— Тебе, король Конан, нельзя участвовать в жребии — вступил в разговор молчавший до того времени магистр Гристиан. — Монарху надлежит заботиться о благе государства, а не рисковать собой всякий раз, когда это требуется.

— Никогда еще не было такого, чтобы я прятался за чью-то спину — прорычал варвар. — И никогда не будет! Не родился еще тот, кто заставит меня поступиться законами чести!

Киммериец начал медленно вставать, выпрямляясь во весь могучий рост. Он не думал о том, что собирается предпринять и не испытывал желания остаться, ежели упадет жребий, в обществе очаровательных арракасков, он просто действовал так, как побуждали его чувства.

— Постойте! — поднял руку Весперис, один из гвардейцев короля, — довольно спорить!

Все удивленно обернулись. Весперис никак нельзя было назвать словоохотливым; бывало из него по несколько суток невозможно было вытянуть ни слова.

— Я одинок и не связан никакими узами во внешнем мире! Никто не вспомнит обо мне, если я не вернусь в Аквилонию. Мой возраст перевалил за половину срока, отпущенного Вседержателем для смертных. Мои мышцы с каждой зимой становятся все слабее и скоро я уже не смогу сражаться наравне с молодыми. Со временем я стану обузой, и некому будет подать мне миску с похлебкой. Поэтому по всему выходит так, что остаться нужно мне… Это лучшее, что я могу сделать для моего короля!

И он замолк, утомленный собственным красноречием.

* * *

… на следующее утро, поручив своего товарища заботам женщин-арракасков, отряд двинулся в обратном направлении. В дорожном мешке магистра Гристиана находился драгоценный предмет, который должен был вернуть утраченные разум и память его пострадавшему собрату по магического ремеслу.

Панцирь щитоносца и в самом деле походил на две миски, в каждой из которых поместилась бы добрая порция любимой наемниками острой мясной похлебки, положенные краями друг на друга. Только в отличие от мисок при ближайшем рассмотрении он казался сделанным из множества чешуек, намертво сросшихся между собой. Конан с сожалением подумал, что эта диковина замечательно смотрелась бы у постели его молодой наложницы…

* * *

Путь до деревни гухков показался им не более утомительным чем увеселительная прогулка в дворцовом парке. На этот раз их встречали как старых друзей и в честь их благополучного возвращения был устроен самый настоящий праздник и вождь племени, подарил Конану каменный топор, принадлежащий еще его прадеду.

Пока вожди клялись друг другу в дружбе, шаман вместе с магистром Гристианом уговорили целый кувшин темного пенящегося напитка и, пользуясь исключительно жестами и мысленной речью, увлеченно обсуждали нечто, живо интересующее их обоих.

Было спето немало баллад, которые исполняют бродячие певцы в Немедии и Бритунии, и куплетов легкомысленного содержания и удивительно ритмичных песен гухков, от которых кровь быстрее бежала по жилам, а ноги сами пускались в пляс.

После обильного угощения, которому воздали должное и госта и хозяева, последовали танцы. Спутники Конана вертели, обнимали и кружили своих мохнатых партнерш, а те, нимало не смущаясь разницей во внешности незнанием людского языка, заигрывали с необычными гостями.

Уже утром, поблагодарив за гостеприимство, Копан и его спутники собирались направиться к стене, отделяющей Ямурлак от всего остального мира. Но тут шаман, который вышел их провожать вместе со всеми, пристально уставился в глаза гиперборейскому магу. Тот, сделав остальным знак не мешать им, застыл подобно неудачнику, попавшемуся на глаза арракаску. Потом, поблагодарив своего собрата по магическому ремеслу, обернулся к своим спутникам;

— Огх-а-Гухк говорит, что мы не сможем покинуть Ямурлак тем же путем, что и вошли. Здесь нет обратных дорог, если вы заметили, к деревне гухков мы тоже подошли с другой стороны, хотя пребывали в полной уверенности, что возвращаемся той же дорогой.

Шаман порылся в плетеной сумке, висевшей у него на боку и извлек оттуда нечто, напоминающее фрукт вроде тех, под тяжестью которых гнутся ветви деревьев в офирских садах, начиная с середины третьей летней луны.

Присмотревшись Конан а затем и его спутники заметили, что перед ними камень идеально круглой формы, по цвету напоминающий громадную полусферу, стоящую посреди развалин на вершине горы неподалеку от Ворот.

Тот Кто Смотрит раскрыл ладонь и каменный шар медленно распался на три части. Снова сжав мощную лапу, шаман отдал непонятный предмет магистру Гристиану, некоторое время подержав его руку в своих.

Гиперборейский маг молча кивнул и направился в сторону, противоположную той, куда собирались направиться гости.

— Что он сказал? — спросил его Конан, когда дома гухков и стена из камня небесной чистоты скрылись из глаз. — И вы уверены, что ему стоит доверять?

— Да, в его словах нет неправды и злого умысла, — ответил тот. — Он объяснил как нам выбраться отсюда минуя туманную стену.

— Минуя стену? Но ведь Ямурлак окружен ею!

— Да, это так и тем не менее способ есть. В этом нам поможет то, что он дал нам на прощанье. Народу Карающей Длани дано чувствовать то, что сокрыто от обычных людей даже наделенных, подобно тебе, особой чувствительностью. Если бы в этом магическом предмете присутствовала хоть малая часть зла, разве бы показался он им настолько привлекательным?

— Конечно, он великолепен! — умильным голосом подтвердил один из оборотней, не сводя глаз с полупрозрачного каменного шара.

— Он как будто покрыт мягкой шерсткой и дышит, — добавил второй, протягивая к нему ладони.

— А теперь, — сказал им гиперборейский маг, — нам нужно поскорее добраться до озера.

* * *

Примерно седмицу они шли по удивительно светлому и какому-то уютному лесу, где росли деревья с корой цвета старой меди и вместо листьев чем-то вроде нежного голубоватого меха. Здесь в изобилии росли грибы на длинных тонких ножках и со шляпками, надетыми немного набекрень.

Правда, в отличие от обычных грибов, эти не желали спокойно стоять на месте, а прыгали и даже карабкались по деревьям, чтобы, соскочив вниз, начать все с начала.

Озеро, о котором упоминал магистр Гристиан, предстало перед ними совершенно неожиданно, как будто посреди леса распахнулся гигантский глаз с четырьмя зрачками-островами.

— Нам необходимо попасть на три острова, распложенные треугольником, — объяснил своим спутникам гиперборейский маг — а затем собраться на том, который находится посредине. И помните, никто из нас не вправе вынести отсюда ничего, даже такую малость как камушек или травинка. Единственное, что мы заберем с собой — это панцирь и будем благодарить судьбу, что нам дозволено хотя бы это.

— А как же еда? — хмыкнул Стефанос. — Что, если она еще не успеет перевариться у меня в животе?

— Тогда останешься здесь, пока не избавишься от нее! — со смехом перебил его Авген.

— Нет, пищи и воды это не касается, — брезгливо поморщился магистр Гристиан, — а

теперь нам следует поторопиться, впереди еще много важных дел.

Ни слова не говоря, Конан взвалил на плечо каменный топор — подарок вождя племени гухков, оказавшийся как нельзя более кстати, и направился в поисках деревьев, подходящих для того, чтобы построить плот.

Остальные последовали его примеру, захватив все, что оказалось более-менее пригодным для этой цели.

Вскоре плот из бревен, связанных веревками, поясами и даже полосками, в которые обратилась кожаная куртка гуля, был спущен на воду. Весла, изготовленные в большой спешке и не самым искусным образом, были также далеки от совершенства но, видимо от того, что путешественниками двигало огромное усердие и желание загладить последствия своей оплошности, плавание оказалось легким и приятным.

Они поочередно причалили к каждому из трех островов, начиная от самого большого, расположенного на полуденном закате, оттуда направились к наименьшему, находящемуся на стороне полуночного восхода и лишь затем посетили третий, средний по величине.

На каждом из островов, примерно на середине его они увидели плоский белый камень в форме идеально круглого диска. На них магистр Гристиан оставил по трети отданного ему шаманом полупрозрачного шара. Затем путешественники приплыли на четвертый, расположенный внутри треугольника и встали на точно такой же белый диск.

— Возьмитесь за руки и со всем старанием, на которое вы способны представляйте в своем воображении Ворота. Если все пройдет как надо, мы окажемся там.

Прошло несколько мгновений, затем еще, но ничего не произошло. Они по-прежнему стояли на крохотном островке посреди озера. Магистр Гристиан посмотрел на каждого из своих спутников и взгляд его, казалось, подобно солнечному лучу освещает самые потаенные уголки их душ. Затем, не произнеся ни единого слова, он указал пальцем на Стефаноса, беспокойно переминавшегося с ноги на ногу. Тот отвел глаза и потянул из-за пазухи какие-то цветные камушки, несколько красивых ракушек и даже деревянную ложку подозрительно похожую на те, которыми пользовались в деревне гухков. Укоризненно покачав головой, маг жестом велел повторить все сначала.

Стоило замкнуться живому кольцу, как крайние островки соединили мерцающие арки, казалось, сотканные из ослепительно белого света. Последнее, что запечатлелось в памяти путешественников, была удивительной красоты радуга, обернувшаяся вокруг них подобно громадному шелковому шарфу.

* * *

Придя в себя, путешественники обнаружили, что они и в самом деле непостижимым образом покинули Ярмулак. Они находились в затерянном уголке Граскаальских гор на месте своего прежнего лагеря. Ворота во всей своей красе находились прямо перед ними; казалось бы, открывшаяся картина должна радовать глаз, но Конан и его спутников не оставляло чувство, что совершилось что-то не совсем правильное. Оборотни беспокойно закрутились на месте, по-звериному нюхая воздух, гуль, казалось, готов был лишиться чувств. Наконец Конан, который в дополнение ко всем своим талантам и способностям был наделен даром

выделять главное, отбрасывая в сторону все ненужные детали, произнес то, что вертелось на языке у всех…

— Мы провели в Ямурлаке не более трех седмиц, но тогда была еще ранняя весна, а сейчас, по меньшей мере, на исходе вторая летняя луна!

Магистр Гристиан, отойдя от остальных на несколько шагов, принялся вычерчивать на земле какие-то знаки, что-то бормоча себе под нос и время от времени поглядывая на небо. Наконец, облегченно вздохнув, он произнес:

— Совершенно верно, пока мы путешествовали в поисках панциря щитоносца, здесь прошло около четырех лун. Нам еще повезло; таким образом могла минуть одна зима и даже более.

Отогнав кошмарное видение того, что он мог бы застать в своем дворце, явившись спустя несколько зим своего отсутствия, Конан направился к воротам. Они так и застыли немного приоткрытые, под ними пробивалась сочная зеленая трава, а между створками вырос куст с круглыми листьями, из которых детишки Пограничья делают себе шляпы, играя в магов и разбойников.

На этот раз распахнуть ворота ему удалось с одного удара, дери легко отодвинулся в сторону подобно свернутому ковру, а тяжелые каменные створки гостеприимно распахнулись. Но солнце едва перевалило полуденную черту и до утра ничего невозможно было совершить.

Оставшуюся часть дня решено было посвятить отдыху. Оборотни, которым выпало караулить первым, скрылись из вида; гуль впал в оцепенение, забившись в расположенную неподалеку крохотную пещерку. Уроженцам Рабирийских гор кроме небольшой порции крови, время от времени требуется полное уединение и вряд ли можно позавидовать тому, кто решится потревожить гуля, когда он этого не желает. Конан дремал, положив меч так, чтобы до него можно было дотянуться в любое мгновение. Как бы ни безопасно казалось все вокруг, лучше не терять осторожности, кто знает, что может произойти в следующее мгновение…

Гристиан, поставив панцирь щитоносца на камень перед собой, внимательно вчитывался в старинный манускрипт, испещренный неведомыми письменами. Ритуал следовало провести по всем правилам магического искусства.

Ночь прошла спокойно. Казалось, в этих местах нет хищных зверей, и даже змеи избегают сюда заползать.

* * *

Едва небо посветлело и окрасилось всеми красками, предвещающими, что вот-вот Колесница Митры начнет свой путь, все были уже на ногах. Конан и Евдис застыли возле каменных створок, готовые распахнуть их по первому сигналу. Остальным также нашлось, чем заняться. Оборотни старательно выкладывали из камней спираль, началом которой были Ворота, а точнее, место между их створками, кто-то старательно рассыпал ароматический порошок, кто-то поддерживал огонь, на котором в медном котелке кипело что-то, по запаху напоминающее похлебку из несвежей рыбы.

Наконец когда первый луч солнца осветил каменный пузырь и золотистое пятно затанцевало на земле перед Воротами, каменные створки плавно открылись. Магистр Гристиан стоял в центре выложенной из камней спирали, держа перед собой панцирь щитоносца, окуренный благовониями и омытый непонятным отваром. Конан, стоящий в нескольких шагах, не мог отделаться от мысли, что в таком отвратительно пахнущем жилище не захочет поселиться ни одна уважающая себя сущность. Во всяком случае, на места Аллимара он бы и близко сюда не подлетел.

Но не прошло и терции, как откуда-то появилась уже знакомая призрачная фигура. С жалобным стенанием она пролетела сквозь ворота и, обернувшись струйкой дыма, скрылась внутри панциря. Конан и его товарищ, повинуясь знаку магистра Гристиана, моментально захлопнули тяжелые створки.

Но это было только начало. Панцирь моментально раскалился докрасна подобно полосе железа в кузнечном горне, из всех отверстий повалил густой дым. Раздался отвратительный раздирающий уши визг, как если бы тут бесновалась тысяча демонов. Гиперборейский маг, изо всех сил удерживая временное вместилище беспокойной сущности, выкрикивал заклинания и от звука его голоса даже самые храбрые из спутников Конана испытывали желание оказаться как можно дальше отсюда. Киммериец, испытывавший сильнейшее отвращение ко всякого рода чародейству, успокаивал себя старой истиной, что главное — цель, а не то, что предшествует ее достижению.

Прошло несколько мгновений, а может несколько колоколов, когда из панциря послышался приятный мужской голос, не имеющий ничего общего с тем, который недавно выкрикивал оскорбления в адрес своих спасителей.

— Не будет ли так добр мой собрат, объяснить, что произошло?

— Позже обо всем поведает тебе маг Матриус, уважаемый Аллимар. Пока что довольно будет и того, что твоя сущность отделилась от тела. Хотя я не могу представить себе, что должно произойти, чтобы случилась такое… Может быть ты вспомнишь: каков был обряд, имевший столь ужасные последствия?

— Матриус… подождите, я припоминаю… Матриус — предатель! Как я мог быть настолько легковерным! Ведь я же знал, что прошло не менее ста зим, она не могла оставаться живой и тем более такой же молодой и прекрасной как в нашу последнюю встречу. Чтоб Нергал слизал его своим языком!

Стоящий на земле панцирь запрыгал, словно внутри него дрались.

— Клянусь вам, этот мерзавец никогда не был в числе моих друзей! Ясно одно: Орден Алого Пламени все-таки добрался до меня!

— Орден Алого Пламени?! — помрачнел гиперборейский маг. — Но они же дали клятву не нарушать более равновесия и не предпринимать враждебных действий…

— Клятву… — послышался горький смешок. — Думаю, даже само слово «честь» им незнакомо. Но я лишен возможности не только достойно ответить им, но и доказать правоту своих слов. Если бы мне хоть на время вселиться в чье-нибудь тело! Может быть, кто-то из ваших спутников сможет оказать мне такую услугу?

Но это предложение не нашло одобрения среди воинов. Еще бы: одно дело — рисковать шкурой ради благой цели и совсем другое, предоставить свое тело какому-то магу… Это еще хуже, чем поселить в своем доме первого встречного.

Магистр Гристиан неторопливо извлек из дорожной сумки лист пергамента и склянку с магическим эликсиром. Плеснув на пергамент черной жидкостью, он некоторое время

внимательно всматривался в лужицу, а затем объявил:

— В нескольких днях пути отсюда на границе с Немедией скоро появится то, что тебе требуется. Уличная торговка окажется невинной жертвой драки в соседней таверне. Думаю, мы успеем добраться туда вовремя. Разумеется, если ты не против провести какое-то время в женском обличье.

— Разумеется, — раздался голос из бывшей шкатулки принцессы Элдии. — Я бесконечно признателен тебе, собрат и твоим отважным спутникам за вашу доброту. Клянусь, я не забуду этого никогда…

* * *

Старая Арния не спешила уходить домой. Ночь — самое подходящее время, а народу на улице бывает не меньше чем днем, надо только знать где предлагать свою стряпню. Уличные девицы, воришки и прочие охотно берут ее лепешки, а иногда и подкидывают от щедрот монетку-другую. Молодость и красота, которыми она неплохо зарабатывала, безвозвратно канули в прошлое, оставив лишь воспоминания, которые не очень-то хочется ворошить. Кажется, сегодняшняя ночь обещает быть прибыльной, вон, наемники в город пожаловали, быть не может, чтобы, проходя мимо, они не пожелали отведать ее стряпни. Эх, и почему у нее нет дочки или внучки, на которую приятно посмотреть, жила бы сейчас и горя не знала… Да что там творится, пойти, что ли посмотреть?.. Великие боги, да они настоящую войну устроили. Надо уносить ноги пока цела. Уйди, нет у меня никаких денег, отстань, говорю! Помогите, помогите!!!

* * *

— Как необычно я себя чувствую… Нет, так не годится, это тело того и гляди рассыплется на следующем же шаге… если у него достанет сил сделать этот самый шаг!

— Позволь помочь тебе, почтенная, то есть, извини, мудрейший. Осторожно, здесь камень под ногами…

Конан, с молоком матери впитавший уважение к тем, кто прожил много зим, хотел было отодвинуть в сторону беспорядочно суетившегося Стефаноса и взять старую женщину на руки, но был остановлен властным взглядом, выглядевшим диковинно на морщинистом лице.

— Благодарю тебя, король, — раздался полный достоинства голос. — Как только мы окажемся на постоялом дворе, я с помощью мага Гристиана сделаю это тело более пригодным для обитания. Впрочем, надеюсь — оно недолго будет служить мне… Ох, моя спина! Пожалуй я подзабыл, что простые смертные страдают от старости и болезней и их тела со временем разрушаются. Митра Всемогущий, почему же вокруг все стало таким мутным? И почему мои ноги не слушаются моего разума? Нет, в панцире ямурлакского

щитоносца было куда уютнее, клянусь подземельями Зандры!

* * *

Гиперборейский маг и частично возвращенный к жизни Аллимар почти сутки провели взаперти в самой лучшей комнате постоялого двора. Когда же они наконец нарушили свое вынужденное уединение, нынешняя телесная оболочка Аллимара стала выглядеть значительно моложе. Правда, широкий размашистый шаг и движения, более приличествующие воину, нежели женщине, пребывающей в почтенном возрасте, производили весьма странное впечатление.

— Нам известно, куда отвезли тело Аллимара — сообщил Конану магистр Гристиан, когда устроились за столом в укромной нише. — Они еще поддерживают в нем подобие жизни, но теперь, когда стало известно, что Матриус упустил добычу… Нам нужно торопиться; логово последних адептов ордена Алого Огня находится на полночный восход от Султанапура, дорога туда займет много дней, но если воспользоваться Скрытым Прямым Путем, то мы окажемся там через пару колоколов. Я отправлюсь с ним; то, что было совершено с моим собратом, я считаю прямым вызовом себе, а также ордену Белой Руки и всем, кому дороги гармония и равновесие между добром и злом…

— Что ты имеешь в виду? — недовольно прорычал Конан, для пущей убедительности стукнув по столу кружкой, выточенной из ствола коринфского пятилистника, древесина которого отличалась особой прочностью. Мощная деревянная посудина разлетелась на множество осколков, а на крышке стола образовалась вмятина величиной с кулак взрослого мужчины.

— В дружественном государстве, между прочим, находящимся под вечной защитой и покровительством Аквилонии среди бела дня похищают сущность известного мастера боевой магии, этот, как его там, орден Алого Пламени позволяет себе творить все, что ему заблагорассудится, а вы желаете, чтобы я спокойно смотрел на все это?!

— Но это весьма опасно… — произнес Гристиан и тут же пожалел о своих словах.

— Вот именно! — вскричал Конан и глиняные миски на стойке трактирщика подпрыгнули, жалобно звякнув друг о друга. — Никогда не будет такого, чтобы воин нашего рода бросил на произвол судьбы тех, с кем прошел длинный путь, зная, что от этого зависит жизнь и судьба достойного человека. Когда мы отправляемся в путь?

— Завтра в начале восьмого послеполуночного колокола, — ответил гиперборейский маг, поняв, что спорить с Конаном — одно из самых безнадежных на свете дел, предаваться которым как сказал один из мудрецов древности, значит сокращать свое долголетие.

* * *

Поэтому утром следующего дня Конан и его гвардейцы а также Гристиан с Аллимаром

вышли за пределы города. Когда они оказались в безлюдной местности, магистр Гристиан сделал знак остановиться.

— Отсюда мы отправимся Скрытым Прямым Путем, пронзающим время и пространство, — торжественно произнес он. — Каждый шаг по этой дороге равен сотне шагов по обычному пути. Этот путь еще называют Запретным, так как опасности, которые могут на нем встретиться во много раз серьезнее тех, что обычно подстерегают путешественников.

— Помнится, когда-то мне довелось слышать о чем-то в таком роде, — задумчиво протянул Копан.

— Этим путем предпочитала пользоваться одна ведьма, родная сестра подземного демона, — вступил в разговор Аллимар, безуспешно пытающийся поправить на себе старушечье одеяние. — Говорят, страсть к чересчур быстрому передвижению оказалась для нее роковой.

— Угу, — подтвердил Конан, вспомнив одну давнюю историю, — и братец ее тоже плохо закончил.

На дороге они встали у черты, проведенной в пыли гиперборейским магом и… Ничего не произошло, не было ни оглушительно гремящего грома, ни чувства стремительного падения. Перед ними была та же дорога, правда, с той разницей, что окружающий мир потерял все краски. Небо, земля, они сами — все стало серым как если бы пыль, оседающая в заброшенных человеческих жилищах, покрыла здесь все. Деревья и придорожные кусты теперь предстали перед Конаном и его спутниками в виде бесформенных размазанных пятен, которые слабо шевелились подобно медузам, обитающим в море Вилайет и, если верить слухам, не пропускающие возможности кем-нибудь полакомиться.

— Когда, ты переносил нас в чертоги Яхмоса, маг, дорога показалась мне куда приятней, — буркнул северянин.

Под ногами была твердая ровная поверхность, ни камушка, ни облачка пыли, как если бы они шли по чисто подметенным полам на редкость негостеприимного дома. Каждый шаг болью отдавался где-то внутри, а, двигаясь вперед, люди как будто преодолевали невидимую преграду — невидимую, но вязкую на ощупь.

Вдруг дорога перед ними сперва выгнулась, а затем стала подобной крутому горному склону. Не удержавшись на ногах, люди стремительно заскользили вниз, безуспешно пытаясь схватиться хоть за что-нибудь, чтобы замедлить падение. Магистр Гристиан и Аллимар пытались выкрикивать какие-то заклинания, но неожиданно поднявшийся ураган заглушал все звуки. Изловчившись, Конан вытащил из ножей меч и вонзил его в землю. Раздался пронзительный визг, от которого у всех заложило уши, струя темной отвратительно пахнущей жидкости брызнула из-под лезвия, а дорога приняла прежний вид.

— Что это было? — поинтересовался киммериец, старательно отчищая лезвие меча.

— Язык демона-обжоры, — как ни в чем не бывало, ответил гиперборейский маг. — Эти твари предпочитают гак охотиться. И ничего не подозревающие путники, уверенные, что идут по дороге, попадают прямо к нему в пасть. Если бы ты, нам пришлось бы немало повозиться, чтобы выбраться оттуда.

Конан уже собирался сказать, что ему приходилось видеть вещи и пострашнее, но тут Аллимар, который все это время старался не привлекать к себе внимания, закричал:

— Вверх, смотрите вверх и никуда больше!

Послушавшись его, путешественники не увидели ничего кроме неба как будто сплошь

закрытого тучами. Ни одного облачка, которое выделялось бы цветом или формой, но одной птички…

— На что тут смотреть? — возразил кто-то и тут же, устремив свой взор вниз, испуганно охнул, после чего принялся открывать и закрывать рот, как вытащенная на песок рыба.

Некоторое время спустя Аллимар объявил, что можно смотреть кула угодно, а к любопытному вернулся дар речи. Правда, на вопрос, что он увидел тот не смог дать более-менее вразумительного ответа, ограничиваясь словами «там такое, такое»… Сами же маги отказались рассказывать, какой опасности все только что избежали. Аллимар не ответил ничего, сославшись на старческую глухоту, а Гристиан сказал лишь, что далеко не всякое знание может оказаться полезным.

* * *

В самом сердце туранской пустыни, на месте процветающего когда-то города в глубоком подземелье, заключенный в ящик из темного железа все так же пребывал между жизнью и смертью необычный пленник.

— Что же мы теперь будем с ним делать, учитель? — склонился один из адептов ордена Алого Пламени перед своим наставником: — Сущность более не в нашей власти, а поддерживать жизнь в этой бренной оболочке с каждым днем становится все труднее.

— Остался лишь один способ, — ответил тот голосом, от которого кровь, казалось, готова была застыть в жилах, — мы сможем сохранить в своей власти одно и вернуть себе другое. Нужна кровь, свежая кровь… Нам требуется, чтобы человеческое существо, расставшееся с жизнью во славу Повелителя Темных Глубин, не имело ничего общего с нами. Я желаю ощутить его боль, ужас, отчаяние и безумную надежду. Лучше, если он будет молод, ведь чем моложе человек, тем сильнее он цепляется за жизнь, но за неимением лучшего подойдет старик или младенец. Ступайте же, дети мои и добудьте подходящую жертву.

Оставшись наедине с находящимся в беспамятстве пленником, хозяин подземелья приблизился к нему и долгое время внимательно вглядывался в неподвижные черты.

Мне даже жаль, что ты попался в ловушку столь нелепо, Аллимар. Знаешь, когда не станет тебя, из моей жизни тоже уйдет нечто важное. Ведь большая ненависть чем-то сродни большой любви и вряд ли мне доставит удовольствие лишиться тебя совсем… Но что делать, каждый видит лишь то, что желает видеть.

В это мгновение раздался звук шагов и аколиты начали один за другим возвращаться в подземелье. По мере того, как они занимали свои места, лицо командора мрачнело все больше и больше. Еще один вернулся с пустыми руками… И этот тоже… и этот. Неужели все рухнет из-за их нерасторопности? Именно тогда, когда адепт ордена Алого Пламени готов был ощутить нечто похожее на гнев и отчаяние, под сводами подземелья послышался шум, разительно отличающийся от того, что он слышал до этого. Пронзительный старушечий голос истошно верещал:

— Куда ты меня тащишь, а ну пусти, пусти, кому говорю! Разрази тебя Нергал, сожри тебя Эрлик! Ой-ой-ой, нельзя же так толкаться, что я тебе, молоденькая, что ли, бегать!

Думаешь, занавесил тряпкой бесстыжие глаза, так до них уже и не добраться? Все как есть, выцарапаю!

— Замолчи, старая ведьма! Не будешь вести себя как подобает…

В подземное помещение вошел аколит, кто лишь недавно был допущен во Внутренний Круг. Он был единственный, кто вернулся с добычей. Правда, поймать ему удалось лишь толстую неряшливую старуху, которая судорожно вцепилась одной рукой, в растрепанную вязанку хвороста, второй же безуспешно пытаясь добраться до лица фигуры в красном балахоне, чтобы привести в исполнение свою угрозу. Лицо адепта, виднеющееся из-под сбитого набок капюшона и изрядно порванный балахон уже носили на себе следы близкого знакомства с упрямой старухой.

— Прекратите! — грозным шепотом произнес глава ордена. Все вокруг от страха, казалось, даже перестали дышать и даже старуха, испуганно пискнув, наконец, замолкла.

— Отпусти эту. достойную женщину, — продолжил командор, голосом, похожим на шипение, которое издает змей, обитающий в джунглях Черных королевств, завораживая свою жертву, чтобы, затем, пользуясь ее неподвижностью, медленно заглотить… — От тебя требуется совсем немного, почтенная, а потом мы заплатим тебе и отпустим с миром. Ты согласна нам помочь?

— Но вы ошиблись, благородные господа, целительница вовсе не я, а моя троюродная сестра, — начала старуха, но маг нетерпеливо перебил ее.

— Все что от тебя требуется, уважаемая, вполне в твоих силах. Взгляни-ка сюда, ты ведь не желаешь, чтобы этот человек отправился на Серые Равнины из-за твоего упрямства?

— Мигра, — снова зачастила старуха, взглянув на недвижного пленника, — великие боги, конечно, нет! Сделаю все что в моих силах, благородные господа, все, что в моих силах! Особенно если вы еще и хорошо заплатите старой женщине…

Тот, кого называли командором уже собирался подвести старуху к каменной плите, сойти с которой ей будет уже не суждено, как вдруг разглядел в ее липе что-то, пробудившее в нем, казалось бы, давно умершие воспоминания. Так могла бы выглядеть… разумеется, если бы она осталась жива… Не остается никаких сомнений: это ее глаза, ее тонкий изящный носик, ее задорная лукавая улыбка…

— Оставьте нас! — бросил он остальным, почтительно ожидавшим, что последует за этим.

Командор и странная пленница остались одни посреди подземного зала.

Множество крохотных светильников еле разгоняли мрак, но даже в их неверном свете стоящая перед ним женщина все более и более приобретала сходство с…

— Зельмира, ты жива! Скажи мне, что это ты!

Стоило прозвучать этим словам, как фигура старухи как будто расплылась, а затем начала стремительно меняться. Она становилась выше ростом, исчезла полнота, исчезли морщины на лице, глаза из тускло взирающих на мир превратились в две черные звездочки… Седые свалявшиеся космы на глазах темнели, становясь густыми непокорными кудрями. И в довершение всего мешковатая одежда, которая становилась девушке все более и более не по размеру, истлела прямо на ней и упала к ее ногам грудой бесформенных лохмотьев. Нимало не смущаясь, Зельра протянула руки к своему бывшему возлюбленному.

— Это я, милый! Ты узнал меня и теперь наложенные на меня чары разрушены!

— Как я виноват перед тобой! — возопил тот, в чьем присутствии многие его подчиненные боялись дышать от страха. — Скажи же, чем я могу загладить свою вину, что я

могу дать тебе?

— Я хочу… — и Зельмира задумалась, поднял сияющие глаза к потолку и по-детски положив палец себе в рот. — Может быть, вот это… и ее очаровательный розовый пальчик показал куда-то за спину командора.

— Сейчас…

Но, стоило ему потерять из вида свою вновь обретенную возлюбленную, как в голосе девушки неожиданно прозвучали насмешливые и жестокие нотки.

— Нет, пожалуй, я возьму вот это!

Обернувшись, он увидел красавицу, которая играла рукой, на которой был надет браслет из темного железа, закаленного в крови Первых. Браслет, чьим предназначением было удерживать во власти ордена Алого Огня сущность Аллимара и его земную оболочку. Тот, кто долгое время провел в беспамятстве, как ни в чем не бывало открыл глаза, а затем уселся на своем ложе.

— Мне, право, жаль, что ты попался на такую простую уловку, Корн. Ты же сам говорил, что каждый видит лишь то, что ему хочется видеть.

— А… Зельмира? — только и смог произнести глава ордена Алого Огня.

— Ты убил ее много зим назад. Она мешала тебе быть сильным, разве не помнишь?

Тот, кого называли командором, рухнул на колени перед тем, что еще мгновения назад был юной красавицей. Но на каменном полу распростерлась старая Арния, так бесславно завершившая свой жизненный путь. Теперь она выглядела значительно хуже, чем в тот день, когда пьяный наемник, пытаясь отнять выручку уличной торговки, немного не рассчитал своих сил…

— Значит, таким образом ты держишь свое слово? — Магистр Гристиан, который незаметно появился в подземелье, медленно подошел к чародеям.

— Думаете, что у меня уже не осталось сил? — вскочил на ноги тот, кого называли Корном. — Ошибаетесь, несчастные!

И он вытянул руки, готовясь одним из самых ужасных заклинаний обрушить каменный свод на головы давних врагов. Раз так — он готов отправиться на Серые Равнины вместе с ними. Теперь, когда он окончательно понял, что все, чему посвятил свою долгую жизнь, не стоило и слезинки любимого существа, когда надежда поманила его и снова столкнула в пучину отчаяния, жизнь стала для него не более чем тягостным бременем.

Гристиан с Аллимаром готовились предпринять ответные действия. Воздух в подземелье сгустился настолько, что, казалось, при желании его можно нарезать ломтями. Сила, которая готова была освободиться, сокрушая все на своем пути, была столь велика, что древние каменные своды зашатались, еще немного — и они не выдержат. Пол, покрытый толстыми плитами, прорезала трещина, становясь все шире….

И в это мгновение в подземелье с шумом ввалились воины из личной гвардии короля Конана. Киммериец, который обрадовался, было, возможности устроить хоть небольшое сражение, был разочарован. Злодеи устремились в бегство при одном виде его меча. Некоторые, пытавшиеся противопоставить ему знание темного волшебства, сами же пострадали от острой стали.

Один из адептов ордена Алого Пламени, попытавшийся бросить в киммерийца огненным шаром, пребывал настолько в печальном состоянии, что его пришлось вести под руку как немощного старика. На другого, пожелавшего обратить бесстрашных гвардейцев в тряпичные куклы, страшно было даже смотреть. Их неуспех напрочь лишил прочих

присутствия духа и их сопротивление делалось все более и более вялым.

Вдалеке показался Евдис, который волочил за шиворот одного из адептов тайного ордена. Маг был спеленат своим балахоном подобно тому, как усмиряют служители приюта для умалишенных своих подопечных, когда те переходят границы благопристойного поведения.

Оборотни, сменившие свой облик на волчий, принялись обнюхивать плиты пола после чего, подняв морды, издали протяжный вой.

Чудовищное напряжение, еще недавно грозящее уничтожить и остатки древнего замка и всех, кто там находился, — исчезло. Совершенно потерявший присутствие духа командор вместе со своими подчиненными безропотно согласились последовать с Гристианом и Аллимаром в Гиперборею, где, как разъяснил ему Конан, будет решена его дальнейшая судьба. Распрощавшись с благородным варваром и его спутниками, маги исчезли в ослепительной вспышке холодного белого пламени.

Прошло не менее трех четвертей колокола, когда Стефанос нарушил молчание.

— Пожалуй, оно и к лучшему, что мы вернемся своим ходом — заявил бывший разбойник, — все лучше, чем опять попасть подземному демону на язык!

— Это точно, — согласился Каврат, вытирая лезвие меча пучком сухой травы. — Без этих магических штучек куда лучше. А по пути не худо бы заглянуть куда-нибудь, где имеется хороший кусок жареного мяса, чаша доброго вина и веселая подруга на одну ночь.

* * *

Когда путники, наконец, ступили на землю Аквилонии, то к удивлению королевского летописца и воинов из личной гвардии Конана, им было приказано повернуть в полночную сторону. Варвар рассудил, что раз его изначальный план так и не воплотился в жизнь, то глупо возвращаться в Тарантию. Ладно, пусть миссия в Гиперборею откладывается до лучших времен, но коль уж Солнцеликий подарил им возможность испытать новые приключения, то почему бы не продлить удовольствие?

— Скажи-ка, Стефанос, — обратился киммериец к бывшему разбойнику. — Ты как-то рассказывал, что тебе известно местечко в Боссонских пределах, где водятся рыбы, чьи плавники похожи на птичьи перья и обладают способностью менять цвет в зависимости от времени суток. Так ли это?

— Верно, король, — склонил голову тот, — а еще они могут выпрыгивать из воды и кувыркаться через голову. А весной, когда у всех живых созданий начинается период любви, они высовывают головы на поверхность и издают звуки подобные шуму кипящей воды.

Конан захохотал и хлопнул его по плечу.

— Так чего же мы медлим? В путь! Изловим парочку таких тварей для королевского зверинца. Пусть добрые аквилонцы увидят, что их король годен не только на то, чтобы восседать на троне…